

Дарья Донцова

Сафари на черепашку

Агентство частного сыска
Иван Подушкин

Дарья Донцова
Сафари на черепашку
Серия «Джентльмен сыска
Иван Подушкин», книга 10

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127996
Д.Донцова Сафари на черепашку: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-13021-7

Аннотация

Сафари на черепашку! Первый раз слышите о столь экстремальном развлечении?! А Иван Павлович Подушкин стал его непосредственным участником! Но это все между делом! То есть между расследованием очередного преступления, в ходе которого Ване чего только не пришлось вынести: побывать в плену у бандитов, сидеть замурованным в заброшенном бункере и даже переодеваться женщиной. Вы удивитесь, но последнее оказалось самым страшным испытанием!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	47
Глава 5	61
Глава 6	76
Глава 7	90
Глава 8	102
Глава 9	118
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Дарья Донцова

Сафари на черепашку

Глава 1

Бывает, делаешь для близкого человека все самое хорошее, а получается хуже некуда.

Сегодня вечером, честно выполнив все приказы Норы и услышав от нее: «Ступай, отдыхай, больше дел нет», я отправился в свою комнату и прилег на диван. Рука потянулась к книге. Часы пробили восемь, спать еще рано, можно спокойно насладиться историей жизни древних майя. Я сунул ноги под плед – не так давно в квартире отключили отопление, на дворе конец апреля, но до сих пор холодно и сыро. Впрочем, мне сейчас очень даже хорошо. Я начал перелистывать страницы, ища, на чем же остановился вчера. Конечно, некоторые люди ничтоже сумняшеся загибают угол листа, но мне это несвойственно. Мой отец, известный писатель, внушил сыну почтение ко всякому печатному изданию, пусть даже и низкопробного содержания. Книга – это результат творчества многих людей, и держать ее следует чистыми руками, не надо брызгать на нее кетчупом, чаем или мусолить жирными пальцами. Итак, майя, древняя, плохо изученная цивилизация...

Не успели глаза побежать по строчкам, как на столике у изголовья затрясся мобильный. Подавив желание отключить аппарат от сети, я протянул руку и схватил трубку. 20.05. Самое время для Николетты, сейчас она воскликнет: «Вава! Хочу в гости!»

И прощай индейцы майя! Но неожиданно из сотового до-
несся не капризный голос маменьки, а бас моего доброго
приятеля Игоря Квасова:

– Слышь, Вань, тут такое дело...

– Какое? – насторожился я.

Игорь мало похож на человека, способного впутаться в неприятности, он защитил докторскую диссертацию по теме «Поэзия Серебряного века» и живет не в нашем времени. Кое-кто недоуменно хихикает, столкнувшись с Игорем впервые. Квасов одевается по моде давным-давно ушедших дней. И зимой, и летом он при полном параде: пиджак, рубашка, галстук, идеально выглаженные брюки и обязательно шляпа. В жаркие дни – из соломы или полотна, в холодные – из фетра или меха. А еще он всегда имеет при себе длинный зонтик-трость, так, на всякий случай, Квасов человек предусмотрительный и обстоятельный.

Мы с Игорем дружим с институтских времен, Квасов до последних лет ходил в завидных холостяках, но два года тому назад он влюбился в тихую, скромную, отметившую тридцатилетие Ирочку. Девушка ждала своего принца, и он наконец-то явился, но не на белом коне, а на скромных «Жигу-

лях», хотя в наше время четыре колеса предпочтительней такого же количества лошадиных ног.

Роман у моего приятеля тек неторопливо, парочка ходила в театр, консерваторию, на эстрадные концерты... Наверное, Ирина обладает редкостным терпением, потому что она никаких матримониальных намеков кавалеру не делала и не торопилась перевести затянувшиеся платонические отношения в интимные. Я, честно говоря, радовался, что на пути Квасова встретилась старомодная Ирочка. Намного хуже было бы, влюбись Игорь в особу, пожелавшую через десять минут после знакомства нырнуть к нему под одеяло, а спустя час заявившую: «Ну, когда у нас свадьба?»

* * *

– Так что произошло? Говори скорей, – поторопил я Игоря.

– Меня Ира избила, сильно, кровь течет.

Книга выпала из моих рук.

– Что?

– Ирина отчего-то накинута на меня с кулаками, – повторил Игорь, – ума не приложу, в чем дело. Сделай одолжение, приезжай ко мне.

Я вскочил и побежал к двери.

– Ваня, ты куда? – высунулась из кабинета Нора.

– К Игорю Квасову, у него беда.

– Какая?

– Похоже, Ирина сошла с ума, – бормотнул я, завязывая шнурки. – Представляете, она избила Игоря.

Нора хмыкнула:

– Может, наоборот, в ум пришла? Кстати, я бы на ее месте давным-давно настучала профессору по лысине. Ну сколько можно морочить уже не юной особе голову? Годы бегут, а она все в вечных невестах. Игорь себя ведет крайне непорядочно. Не забудь, как всегда, ключ от домофона, я хотела сегодня пораньше лечь, а Ленка сядет сериал смотреть и не услышит звонка.

Я молча кивнул и вышел на лестницу. Нора иногда бывает крайне несправедлива, я всегда беру с собой связку ключей. Да и вообще, похоже, у нас с хозяйкой разное понимание порядочности. Лично мне кажется отвратительной манера некоторых мужчин моментально зазывать партнершу в загс, а потом столь же быстро бросать ее вместе с родившимся некстати младенцем. Игорь просто хочет изучить будущую подругу жизни, понять, сумеют ли они рука об руку пройти до могилы. Что же тут плохого? Торопливость нужна лишь при ловле блох!

* * *

Игорь открыл дверь сразу, я посмотрел на него и воскликнул:

– Ты выглядишь вполне нормально.

– Не считая этого! – вздохнул Квасов и, повернувшись спиной, спустил с плеч рубашку.

Из моей груди вырвался возглас удивления: спина между лопатками была покрыта тонкими, вздувшимися рубцами, кое-где кожа лопнула и на ранах застыла кровь.

– Господи, – закричал я, – тебе же больно! Надо ехать в больницу.

– Нет, нет, – испугался Квасов, – ерунда, сделай одолжение, помажь ссадины йодом.

Мы пошли на кухню, Игорь сел на стул, а я начал осторожно дезинфицировать раны приятеля.

– Что у вас стряслось? – я в конце концов не сумел сдерживать любопытства.

Квасов ткнул пальцем в сторону стола.

– Во всем виноват торт.

Я проследил взглядом за рукой Игоря и удивился еще больше:

– Это кремовое безумие?

– Да!

– Оно ей показалось невкусным? – недоумевал я. – Однако!

Игорь поморщился и сказал:

– Понимаешь, я сегодня впервые пригласил Ирину к себе.

– Хочешь сказать, что до сих пор она тут не бывала?

– Верно.

– Но почему? Ты живешь один, никаких родственников с болтливыми языками, настороженными глазами и любопытными ушами вокруг нет! Отчего не позвать девушку в гости?

– Именно поэтому, – кивнул Квасов, – ну что она должна была обо мне подумать, когда поняла бы, что мы с ней в квартире вдвоем, а? Ясное дело, сначала следовало предложить ей руку и сердце.

Я закашлялся. Да уж, иногда Игорь перегибает палку!

– Я решил сделать это в торжественной обстановке, – бубнил тем временем Квасов, – купил загодя торт, заехал за Ириной на работу и сказал: «Дорогая, у меня дома имеется замечательная коллекция марок, не хочешь взглянуть?»

Дама сердца не стала ломаться, в конце концов, ей не десять лет, и она, наверное, отлично поняла, почему Игорь вдруг решил продемонстрировать ей филателистические раритеты.

Парочка прибыла в апартаменты, профессор и впрямь вытащил кляссеры¹ и довольно долго листал страницы. Ира стойчески вытерпела сию процедуру.

Потом Квасов спросил:

– Чаю, дорогая?

– Спасибо, – кивнула гостья.

Игорь принялся хлопотать по хозяйству.

– Тебе цейлонский или индийский?

– Какой проще.

¹ Кляссер – альбом для марок.

– Может, китайский?
– Право, мне без разницы.
– Боишься обеспокоить меня? Сущая ерунда! Так что заваривать? Давай каркадэ?

- Давай, – кивнула Ира.
- Он настаивается полчаса.
- Тогда цейлонский.
- У нас полно времени.
- Хорошо, пусть будет каркадэ.
- А сахар какой?
- Любой.
- Песок?
- Да.
- Может, рафинад?
- Пожалуйста.
- Тростниковый, коричневый?
- Хорошо.

– Или белый, очищенный!

– Мне все равно, – неожиданно рассвирепела Ира.

Квасову показалось, что девушка обиделась, и он удвоил старания.

– Лимончик порезать?

– Да.

– Или лайм?

– Можно и его.

– Предпочитаешь варенье? Есть вишневое.

– Отлично.

– ...и персиковое.

– Однофигиственно! – рявкнула Ирина.

Слегка удивленный непривычной в устах любимой лексикой, Игорь воскликнул:

– А вот тортик! Твой кусочек самый вкусный, я уже положил его на тарелку.

И тут Ирина неожиданно проявила строптивость.

– Не хочу.

– Съешь, душенька.

– Не желаю.

– Очень вкусно.

– Я не ем сладкое.

– Только попробуй!

– Нет!

– Ну хоть ковырни ложечкой.

– Не хочу!!!

– Вот эту кремовую розочку.

– Нет!!!

– Милая, отщипни крошечку, – стоял на своем Квасов, и тут случилось невероятное.

С воплем: «Как ты мне, идиот, надоел!» – Ирина резко отодвинула серебряную тарелку с куском бисквита:

– Ты зачем меня в гости звал?!

– Марки посмотреть, – сообщил Игорь.

На лице Иры появился хищный оскал, Квасов с изумле-

нием наблюдал, как милая, интеллигентная, хорошо воспитанная женщина превращается в кошмар с острыми зубами. Но то, что случилось дальше, господину профессору не могло привидеться в самом дурном сне.

Ирина подлетела к подоконнику, схватила тонкую бамбуковую палку, которой обстоятельный, до зубовного скрежета аккуратный Квасов раздвигает занавески, и прошипела:

– Значит, сначала следовало на дурацкие марки поглядеть, а потом попить чаю с тортом?

– Да, – растерянно подтвердил хозяин, – скушай, душенька, попробуй вон тот кусок с красной розочкой!

– Не хо-чу, – свирепо протянула Ира, – не хо-чу! – И тут она с диким воплем набросилась на ученого.

Игорь не привык к рукоприкладству, он воспитан и вырастает в таком кругу, где все конфликты решаются вербально, и никогда в жизни, ни при каких обстоятельствах он не ударит даму. Поэтому, подвергшись нападению, Квасов закрыл голову руками и попытался бежать.

Не тут-то было! Взбешенная фурия колошматила несчастного бамбуком по спине до тех пор, пока «дубинка» не развалилась на части. Лишенная «оружия» гарпия швырнула обломки на пол и, с чувством проорав: «Говорили же мне умные люди – не теряй зря времени с импотентом!» – унеслась прочь.

Игорь с огромным трудом пришел в себя, понял, что не способен провести остаток вечера в одиночестве, и схватил-

ся за телефон.

– Наверное, надо позвонить ей, – сказал он вдруг, натягивая рубашку.

– Зачем? – удивился я. – Забудь эту психопатку.

– Право, нехорошо вышло, – мучился угрызениями совести Квасов, – вдруг у Ирины временно помрачился рассудок, а я, вместо того чтобы проявить заботу о ней, дал больной спокойно уйти? Боже! Мне только сейчас в голову пришло...

– Что еще?

– А если она под машину попала?

– Думаю, в этом случае автомобиль развалился бы на части, – усмехнулся я, – похоже, твоя Ирина – железная леди в прямом и переносном смысле этого слова. Лучше скажи, зачем ты с маниакальным упорством запихивал в нее торт? Отчего не убрал сладкое, когда она категорично отказалась его есть?!

Игорь вздохнул:

– Сделай одолжение, поковыряй кусок ложкой.

– Я?

– Ты.

– Извини, но я не люблю изделия с кремом.

– Пожалуйста, выполни мою просьбу.

Я пожал плечами, взял изящную ложку, дорогую антикварную вещицу, одну из тех, коими набит дом Квасова, и развалил шматок, украшенный отвратительной розой мерзкого, пронзительно-алого, совершенно ненатурального цве-

та. На серебряной тарелке ярко блеснуло золотое кольцо с приличным бриллиантом.

– Это что? – удивился я.

Квасов заерзал на стуле.

– Понимаешь, Ваня, – выдавил он из себя, – в отличие от тебя я не ловелас и тяжело схожусь с дамами.

– Меня трудно назвать Казановой, – парировал я.

– Я совершенно не знал, как нужно делать предложение руки и сердца, – дудел Квасов, – ну и решил посоветоваться.

Луч понимания забрезжил в мозгу.

– Кто же надоумил тебя засунуть ювелирное украшение в торт?

Игорь указал подбородком на стол.

– Я купил журнал, мужской, там на обложке был анонс: «Как обставить предложение руки незабываемым образом».

Я схватил глянцевоe издание, честно сказать, никогда не покупаю подобные штуkenции, не оттого, что презираю мас-скультуру, а потому, что уже вышел из подросткового возраста.

Где же статья? Ага, вот она.

«Парни, хорошо запомните, женщины тоже люди, но люди не совсем нормальные, им хочется романтики, букетов, конфет, ахов, охов и прочей лабуды, от которой у нас, мужчин, скулы сводит. Но что делать? Если просто сунешь ей коробочку с кольцом и буркнешь: „Ну, ты, того, давай поженимся“, – она, конечно, не откажет. Ясное дело, что любая

дурочка только и ждет этих слов. Но потом в течение тех лет, которые вы из-за твоей глупости будете вынуждены провести вместе, ты станешь регулярно выслушивать нудные упреки, типа: „Никакой романтики, даже предложение красиво сделать не сумел“. Поэтому вот тебе небольшой список, а ты уж сам выбери наиболее подходящий способ.

а) Опустить кольцо в бокал с шампанским. Плюс – она придет в восторг, минус – она не пьет и обозлится, но ты будь настойчив.

б) Спрячь кольцо в кусок торта. Плюс – она придет в восторг, минус – она не ест сладкое, но ты будь настойчив.

в) Привяжи кольцо к (сам понимаешь чему) и в самый интересный момент продемонстрируй подарок. Плюс – она придет в восторг, минус – ты лишишься чувств, потому что девица задушит тебя в объятиях, но ты все же попытайся, придя в себя, быть настойчивым».

Журнал выпал у меня из рук. Ладно, первые два способа еще куда ни шло, хотя, на мой взгляд, автор статьи указал в них не те минусы, девушка может попросту не заметить украшения и проглотить его, это в лучшем случае, в худшем начнет жевать торт и сломает зубы. Но вот третий момент! Придет же в голову такое!

– Хорошо, что ты выбрал торт, – вырвалось у меня.

Игорь насупился.

– Не слишком здорово вышло.

– Ну зачем ты приобрел этот дурацкий журнал!

Квасов моргнул.

– Ваня...

И тут его прервал звонок моего мобильного, я вынул телефон.

– Иван Павлович, – заорала Нора, – немедленно домой!

Ноги сами собой понесли меня в прихожую. Если хозяйка обращается к секретарю по имени-отчеству – жди беды.

– Уже уходишь? – занудил Квасов.

– Извини, работа, – стал оправдываться я, надевая куртку.

– Я думал поговорить, обсудить свою беду.

– Давай завтра?

– Ладно, – легко согласился профессор, – как насчет того, чтобы в восемь пойти в «Момо»?

Я закивал, «Момо» так «Момо», мне без разницы, где пить плохой кофе. Квасов церемонно довел меня до двери и начал расшаркиваться.

– Спасибо, что нашел время зайти и выслушать, мне определенно стало легче.

– Ей-богу, это было нетрудно.

– Крайне благодарен.

– Не стоит.

– И все же ты настоящий друг. Кстати, если твои планы изменятся, обязательно позвони, мы перенесем свидание на другой день.

И тут снова зазвонил телефон.

– Иван Павлович, ты где? – возмутилась Элеонора.

– Уже бегу.

– Живо уходи от зануды, – заорала Нора, – хватит китайские церемонии разводить!

Я быстро отсоединился и с опаской взглянул на Игоря: Нора вопила так громко, что звук ее голоса мог долететь до ушей Квасова. Но, похоже, профессор не разобрал слов взбешенной Элеоноры, потому что он продолжал по-прежнему прощаться, долго, обстоятельно передавая приветы Nicolette и Норе. Наконец я вышел из квартиры приятеля и с огромным облегчением поехал на первый этаж.

Конечно, Нора порой бывает нетерпима и даже груба, Игоря она иначе как «зуда с подзаводом» не называет. Но, следует признать, хозяйка сейчас права, сегодня Квасов проявил себя не с лучшей стороны, сначала довел несчастную девушку до полной потери самообладания, а потом так долго тряс мою руку, словно мы расставались навеки.

Глава 2

Дома на вешалке висело незнакомое женское пальто, белое, расшитое голубыми цветами. Вещь явно очень дорогая и стильная. А еще от нее исходил горький запах французских духов. Вдыхая головокружительный аромат, я снял ботинки и направился в кабинет к Норе. Похоже, к нам в неурочный час примчалась клиентка с интересным делом.

– Явился! – стукнула кулаком по столешнице Нора. – Полз два часа! Право, Иван Павлович, ты бы даже на черепаших гонках занял последнее место.

Я вздохнул, но ничего не сказал. У одной из моих любовниц имелась черепаха по имени Мартина, вы не поверите, с какой скоростью она передвигалась по квартире, мне порой было трудно ее догнать.

– Ваня, выпади из нирваны, – продолжала Нора, – и поправляйся с Мариной. Насколько я знаю, вы великолепно знакомы.

Я повернул голову влево и увидел в кресле хорошенькую блондиночку, хрупкое существо, похожее на воздушное бее, – Марину Арапову. Нора не ошиблась, я великолепно знаю сию особу, она близко дружит с дочерью Коки, и тусовка зовет ее – Мари.

– Здравствуй, Ваня, – нежным голосом пропела Марина и протянула мне тонкую, надушенную лапку.

Соблюдая светские правила, я приложился к ручке.

Марина, дочь вполне успешных родителей-актеров, долгое время казалась мне типично светской дамочкой. В свое время ее мать подсуежилась и выдала дочь замуж за крайне ей неподходящего, по общему мнению, мужчину, простого химика с отвратительным, на взгляд тусовки, именем Герасим. Очень хорошо помню, какую гримаску скорчила Николетта, получив приглашение на свадьбу, которую играли в скромном кафе. Жених оказался с принципами и не захотел устраивать торжество на средства тестя.

Местные кумушки, в полном составе прибежавшие на бракосочетание, взявшись обсуждали скромное угощение и свекровь Марины, полную тетку с «химией» на голове. А Кока и Люка после двадцатого «горько» поспорили на энное количество долларов. Первая утверждала, что брак просуществует полгода, вторая отводила ему срок – месяц. Но ошиблись обе.

Неожиданно жизнь Марины сложилась счастливо, а после перестройки лапотный Герасим, к общему удивлению, вдруг занялся лекарствами. Вроде он сначала просто торговал ими, потом открыл производство, подробностей я не знаю, только у Марины появилась хорошая одежда, красивая машина и загородный особняк. Арапова родила двоих детей, сначала мальчика Костю, которому сейчас уже исполнилось двадцать два, и девочку Аню, ей, если не ошибаюсь, года на два меньше.

Детьми занималась сначала нянька, потом гувернантки и репетиторы. К слову сказать, ребята выросли хорошими, послушными, не доставляли родителям хлопот.

Костя хотел после окончания школы пойти в театральный вуз, наверное, в нем проснулись гены бабушки и дедушки, но Герасим категорично заявил:

– Нет. Лицедейство не профессия для мужчины.

Пришлось Косте учить иностранные языки. С Аней отец оказался не так строг, когда дочь в девятом классе завела разговор об учебе в ГИТИСе, он спокойно кивнул и пообещал:

– Давай, старайся, найдем нужных репетиторов.

Костик, присутствовавший при беседе, раздраженно воскликнул:

– Ага! Вот оно как! Мне, значит, нельзя, а Аньке можно? Герасим взглянул на сына.

– Именно так! Она баба, выйдет замуж, займется хозяйством, а ты мужик, тебе жену и детей содержать!

– У нас семейный бизнес есть, – некстати высказался Костя.

Отец нахмурился.

– Это мое дело, умирать я пока не собираюсь и мальчишка-мажора дома иметь не хочу. Мне, кстати, никто не помогал, и тебе придется самому пробиваться.

Марина в отношения отца с детьми не вмешивалась, она не работала, жила в свое удовольствие, носилась по магази-

нам и салонам красоты, ездила в Милан за одеждой, в Париж за косметикой и отдыхала на море по пять-шесть раз в году. В ее хорошенькой головке не задерживалось никаких мыслей, кроме тех, что были связаны с нарядами и украшениями. Иногда Мари приходила на суаре, затейные Николеттой, пару раз она приводила с собой Аню, апатичную, скромную девочку, которая во время шумного сборища отсиживалась в углу. Гувернантки вбили в ребенка нужные правила, Анечка вставала при виде взрослых, улыбалась и умела поддержать беседу на вечные темы: здоровье – театральные премьеры – погода.

– Ты бы к ней присмотрелся, – шепнула мне один раз Николетта, – невеста подрастает.

– Да я в коляске ее помню! – шарахнулся я от маменьки.

– Так не сейчас же атаку начинать надо, подожди пару лет, – не сдалась она.

– Нет уж, уволь, – я попытался купировать неприятный разговор в зародыше.

– У Герасима миллионы, а дочь одна!

– Я не страдаю педофилией!

Николетта скорчила гримасу.

– Это верно, ты болен глупостью, а еще эгоизмом, не желаешь думать ни о чем, кроме собственного удобства! Что случится со мной, если Нора умрет? Ты лишишься заработка, на что мне тогда жить? А здесь девчонка с состоянием.

Не найдя нужных аргументов в споре, я ретировался,

стать женихом Ани мне показалось отвратительным. Впрочем, наряду с дочерью мне не нравились ни ее безалаберная мамаша, ни хамоватый папенька. И вообще, как известно, жениться следует на сироте.

Потом беззаботная жизнь Мари резко оборвалась. Скончался Герасим, умер в самом расцвете лет от обширного инфаркта, оставив после себя вдову, двух детей и процветающую фирму.

Похороны бизнесмена произвели на меня самое тягостное впечатление, народу проститься с покойным явилась туча. Дети выглядели потерянными, Марина же, к общему удивлению, крепко держалась на ногах, провела всю скорбную церемонию стоя, прямая, как вязальная спица. На ее белокурых волосах красовался черный кружевной платочек, который смотрелся не знаком скорби, а очередным изыском кутюрье.

– Вот увидишь, – шепнула Кока, – через полгода богатая вдовица выйдет замуж.

– Маловероятно, – просвистела в ответ Люка, – товар испорчен, подгнил с одного боку, двое спиногрызов в наличии. Кому такое счастье нужно?

– Молчи лучше, – оживилась Кока, – денег сколько Герасим оставил! А бизнес! Кто им теперь рулить станет?

– Костя! – отозвалась Люка. – Сын всегда за отцом наследует.

– Еще скажи Аня, – фыркнула Кока, – цирк прямо. Маль-

чик сморчок, где ему с делом справиться. Нет, Мари живо в загс побежит, эх, повезет кому-то. Кстати, Вава, по-моему, судьба подбрасывает тебе шанс. Мари вполне подходящая партия, красива, богата... а? Мальчик мой? Эй, ты куда?

Я быстро смешался с толпой. Во-первых, вести разговоры о свадьбе на похоронах как-то не комильфо, а во-вторых, меньше всего мне хотелось связываться с избалованной Мариной.

Но вы не представляете, что случилось дальше. Вопреки общему мнению Арапова не стала искать нового мужчину. Через десять дней после похорон Герасима Марина вошла в его рабочий кабинет, созвала всех: заместителей хозяина, управляющего, начальников отделов, лабораторий и заявила:

– По завещанию бизнес отходит мне, весь капитал Герасим тоже отписал на мое имя. Я намерена сама вести дело, тот, кто считает ниже своего достоинства работать под началом женщины, может положить заявление об уходе на стол.

Поднялся шум.

– Вы же ничего не смыслите в фармакологии, – не вытерпел Андрей Зальцман, управляющий.

– Не беда, научусь, – сказала Марина, – вы тоже не профессорами на свет родились.

Итог совещания мог убить любого руководителя фирмы: из двенадцати присутствующих одиннадцать изъявили желание покинуть навсегда рабочее место.

Марина аккуратно сложила полученные заявления, потом сказала:

– Вы хорошо подумали?

По кабинету пронесся смех.

– У нас с мозгами полный порядок, – заявил Зальцман.

– Ладно, – кивнула вдова, – но имейте в виду, станете проситься назад – не приму.

Мужчины снова развеселились, серьезным был один Эдик Марков, который по непонятной причине решил остаться при Араповой.

Абсолютно не стесняясь Марины, громко обсуждая вслух ее умственные способности, бывшие руководители фирмы удалились, последним из кабинета вышел Зальцман, на пороге он обернулся и сказал:

– Не глупи, Эдик, неужели ты еще не понял? Фирма «Гема»² умерла, сделай правильный выбор.

– Я уже его сделал, – спокойно ответил Марков, – посмотрим, кто проиграл.

Не прошло и трех месяцев, как всем стало ясно: слухи о кончине «Гемы» сильно преувеличены. Маленькая, хрупкая, «глупая» блондиночка Марина оказалась цепкой, хваткой, безжалостной бизнесвумен. Она быстро наняла других сотрудников и ухитрилась вывести фирму на новый виток. Оставалось лишь удивляться, куда подевалась избалованная, спящая до полудня Мари. Она приезжала на службу к вось-

² Фирма «Гема» придумана автором, совпадения случайны.

ми утра, а уходила около полуночи. И еще, Марина, оказывается, была в курсе всех дел мужа, Герасим не имел секретов от супруги, и это оказалось для окружающих еще одним шоком.

Не так давно я столкнулся в магазине с Зальцманом, который угрюмо сказал:

– Кто ж знал, что эта болонка на самом деле немецкая овчарка! Офигеть можно! Ты что-нибудь слышал про новый препарат, который выпустила «Гема»?

– Нет, а что это за лекарство? – удивился я.

Зальцман горько вздохнул:

– Если бы все были такими, как ты, фармакологическое производство стало бы убыточным. Пьешь хоть изредка аспирин?

– Зачем?

Андрей махнул рукой.

– Ясно. Новое лекарство – это уникальный препарат, в основе которого лежит моя разработка. В его состав много чего входит, в частности, масло мурманского лосося. Я несколько лет работал, чтобы создать сбалансированную формулу. После увольнения из «Гемы» нанялся на службу в конкурирующее предприятие и доложил новому начальству о своих идеях, получил добро, начал собирать команду. Поверь, найти нужных людей непросто.

– Прости, – перебил я его, – зачем тебе работать в группе? Зальцман снисходительно ухмыльнулся:

– Времена, когда провизор толоч в ступке пестиком древесный уголь, канули в Лету, теперь у нас мощная техника, как минимум нужны лаборанты. И вообще создание нового лекарственного средства длительный процесс. Я, работая на «Гему», почти все завершил, оставались мелкие штрихи, но, пока переходил со службы на службу, потерял время, а Марина не растерялась и выбросила на прилавки слегка недо-работанный препарат.

Обозленный Андрей позвонил Араповой и пригрозил вселенским скандалом. Но хрупкая блондиночка, вместо того чтобы испугаться и предложить отступные, засмеялась:

– Э нет, дорогой, все наоборот! Скажи спасибо, что я проявила тактичность и не сообщила твоему новому руководству о нарушениях, которые ты допустил. Ты расторгнутый с «Гемой» контракт не выбросил?

– Нет, – ошарашенно ответил Андрей.

– Глянь, там при договоре есть приложение.

– Ну, – протянул ничего не понимающий Зальцман.

– Третий пункт читал? Самый мелкий шрифт!

– Нет, а зачем? Мы же не заключали контракт, а растор-гали его, – ответил Андрей.

Марина ехидно засмеялась.

– В другой раз, когда как крыса побежишь с тонущего ко-рабля, будь внимателен и очень-очень дотошно изучай весь текст, в особенности тот, что набран крохотными буквами, поверь, они представляют, как правило, самую суть. Ска-

жи мне спасибо, дружочек, я могла ведь и промолчать, подождать, пока ты подашь в суд, и слупить с тебя нехилые денежки.

Андрей отбросил трубку, словно ядовитую змею, и кинулся искать экземпляр расторгнутого контракта, в нем на самом деле обнаружился текст, набранный петитом. Зальцману пришлось три раза перечитать его, прежде чем он понял размер катастрофы: все, что он придумал, разработал, создал, написал при помощи оборудования фирмы «Гема», принадлежит этой компании. Чуть ниже шел список оборудования, открывал его супермощный лабораторный комплекс, завершали – шариковые ручки и скрепки. Андрей, подписав не глядя контракт, согласился с ним и потерял права на все свои разработки.

– Ну не дрянь ли! – кипел Зальцман. – Мое же у меня украла!

Я вздохнул: когда работаешь в конторе и получаешь деньги, твой ум уже принадлежит хозяевам. Но какова Марина! Думаю, она не сама сообразила впечатать в контракт нужный пункт, ей явно помогли юристы. А что отличает настоящего предпринимателя от дилетанта? Умение сказать себе: «Кое в чем я ни бельмеса не смыслю».

После этого озарения прирожденный бизнесмен заведет адвоката, бухгалтера, кризис-менеджера... Такой руководитель не станет самостоятельно латать дыры в деле, нет, он просто правильно организует процесс функционирования

предприятия и достигнет успеха. А самонадеянный болван, считающий себя умнее всех, не пожелает слушать специалистов и пропадет.

* * *

– Ваня, – гаркнула Нора, – ты с нами?

Я вздрогнул.

– Конечно.

Нора очаровательно улыбнулась и повернула голову к Марине.

– У Ивана Павловича есть совершенно омерзительная манера: он вроде находится в комнате, смотрит на тебя в упор, на его лице самое внимательное выражение, но взглядишься в его глаза и поймешь: на диване сидит лишь оболочка, душа Вани витает в эмпиреях.

Марина сказала:

– Думаю, подобное поведение свойственно всем мужчинам, право, не стоит обижаться, это защитная реакция от стресса, мы, женщины, более закалены.

– Очень внимательно вас слушаю, – я попытался оправдаться, но пока никакой информации не услышал, только вопрос Норы о том, знаком ли я с госпожой Араповой.

Элеонора прищурилась.

– Хорошо, сейчас узнаешь суть дела. Марина, лучше вы сами изложите!

Арапова кивнула и начала рассказ, вначале вполне обычный, но по мере того, как Марина сообщала детали, я пугался все больше и больше.

Ситуация оказалась, увы, для нашего смутного времени проста и обычна. У Араповой, как я уже упоминал, имеются дети: Костя и Аня. Юноша учится на последнем курсе института и никаких хлопот матери не доставляет. Костя не пьет, не курит, не балуется наркотиками. Он свободно владеет английским, французским и немецким, поэтому Марина предполагает взять парня к себе на фирму, сделать его начальником международного отдела, пусть катается по миру, заключает контракты. Аню мать не планирует привлекать к семейному бизнесу, девочка учится в театральном вузе. Несмотря на юный возраст, Константин ответственен, хотя он может пойти в ночной клуб и проплясать там до утра. Марина не чинит сыну препятствий, в конце концов, когда же гулять, как не в молодости? Мать настаивает лишь на одном условии – парень обязан позвонить домой и сообщить: «Я ушел в загул». Марина не станет проявлять любопытства, сыпать вопросами, типа: «Сыночка, ты где? С кем? Когда вернешься?»

Нет, она доверяет Косте, поэтому спокойно ляжет спать. Впрочем, есть еще одно условие, которое бизнесвумен поставила сыну: тот не должен выключать мобильный телефон. Если дома, не дай бог, что-нибудь случится, Костя обязан быть на связи. Те же правила действуют и для Ани.

Может, потому, что Марина не ограничивает свободу де-

тей, не орет на них ежесекундно, и парень, и девочка ни в какие неприятности не попадают. У Кости сейчас есть девушка, Анжела Лихова, приятная, хорошо воспитанная особа из обеспеченной семьи.

Два дня назад Костя не пришел ночевать, ситуация была для Марины не новой, сын порой оставался у своих девушек. Арапова не дергалась: Костя – мужчина, в подоле не принесет, младенца при расставании пары, как правило, воспитывает женщина.

В обед Константин позвонил матери и сказал:

– Мусь! Я у Анжелки останусь.

– Хорошо, – согласилась Марина и занялась своими делами.

Вечер и ночь прошли без волнений, в восемь утра раздался звонок, Марина схватила трубку и спросила:

– Кто там?

– Ой, простите, – заверещал тоненький голосок Анжелы, – вы дома?

– Где же мне быть? – удивилась Арапова. – Ясное дело, лежу в собственной кровати.

– Значит, все в порядке? – радостно воскликнула Лихова. Марину охватило беспокойство.

– Деточка, – настороженно поинтересовалась она, – отчего ты звонишь в столь ранний час?

– Извините, – зачастила Анжела, – но я так испугалась, когда про insult услышала, хотела с Костей ехать, но он

меня отшвырнул и улетел.

– Кто?

– Костя.

– Он не у тебя ночевал?

– Нет.

– А где же?

– Ну... не знаю... дома... Вообще говоря, я думала, что вы в больнице...

У Марины закружилась голова.

– Сделай одолжение, объясни, что случилось, только спокойно, внятно и четко.

Анжела всхлипнула.

– Ага! Сейчас попытаюсь.

Глава 3

Костя приехал к Лиховой около одиннадцати вечера, они поужинали, посмотрели кино и стали укладываться спать, одним словом, почти семейный досуг. Не успел Костя пойти в ванную, как зазвонил его мобильный. Студент взял трубку, мгновенно переменился в лице и резко спросил:

– Куда везут? Понял, бегу.

– Что случилось? – испугалась Анжела, увидев, что любимый разволновался сверх меры.

– Маме плохо, – проронил Константин, торопливо натягивая джинсы, – похоже, у нее инсульт, звонил врач «Скорой помощи», ее в больницу отправили, мне надо ехать.

– Я с тобой! – подскочила Анжела.

– Нет!

– погоди! – настаивала Лихова. – Вдруг тебе помощь понадобится.

Парень схватил любовницу за плечи.

– Оставайся тут, – гаркнул он, – маме и без тебя плохо! Ты не член нашей семьи! Сами разберемся.

Отпихнув обиженную Анжелу, Костя ринулся к лифту. Лихова сначала надулась: кавалер поступил с ней по-хамски, но потом подавила не к месту проснувшееся самолюбие. Ясное дело, Костя сильно нервничал, вот и вел себя неадекватно.

Всю ночь Анжела не сомкнула глаз, ожидала звонка от Кости, но он так и не объявился, и тогда крайне обеспокоенная девушка решила позвонить Араповым. Она надеялась поговорить с Аней, но трубку неожиданно взяла сама Марина.

– Куда же он подевался, если вы здоровы? – истерично заорала Анжела, закончив рассказ.

Марина, испугавшаяся не меньше Лиховой, попыталась сохранить спокойствие.

– Не вопи, – оборвала она любовницу сына, – пока еще ничего страшного не случилось! Извини, конечно, но, может, ты Косте просто надоела и он завел другую, к ней и поехал. Ну случилась у той неприятность, машину ей помяли, она и позвонила Косте... А он, чтобы от тебя сбежать, наплел с три короба.

Анжела притихла, потом выдала гениальную гипотезу:

– Зачем самое плохое предполагать, про измену? Может, его просто по башке камнем долбанули, ограбили...

Марина в сердцах швырнула трубку. Конечно, она знала, что Лихова дура, однако, ей-богу, не предполагала, до какой степени та идиотка!

Взбодораженная Арапова принялась звонить сыну, но его мобильный упорно сообщал:

– Аппарат абонента находится вне зоны действия сети.

Потеряв остатки самообладания, Марина соединилась со Славиком, однокурсником Кости, и узнала, что сын не явился на занятия.

– Я на лекции сижу, – шептал Слава, – а Котьки нет! Он вообще-то к Анжелке вчера порулил, вы ей звякните.

Марина замерла в кресле, потом набрала номер Лиховой и велела:

– Ну-ка, посмотри, где машина Кости?

Девушка понеслась во двор, и через пару минут Марина услышала ее рыдания:

– Авто на парковке, он им не воспользовался.

Марина потрясла головой.

– Тише. Отвечай спокойно. Во сколько он ушел?

– Около часа ночи, мы кино смотрели.

– Какое?

– Ну... по НТВ Плюс.

– Возьми программу, посмотри, когда оно закончилось.

– Ща, – всхлипнула Анжела, – э... э... в ноль сорок.

– Костя сразу убежал?

– Да.

– Жди моего звонка, – сказала Марина и призадумалась.

Около часа ночи Костя вышел из подъезда, но до машины не добрался, пропал по дороге. У него дорогая иномарка, тачку не тронули, значит, грабить сына не хотели.

Как у всякой порядочной фирмы, у «Гемы» имеется своя служба безопасности, и Марина решила поговорить с ее начальником, Сергеем Сергеевичем, причем не по телефону, а лично.

Арапова спустилась вниз и зачем-то, абсолютно на авто-

пилоте, открыла почтовый ящик. Оттуда выпала записка. Самый обычный лист бумаги, на нем красовалось сделанное на принтере сообщение: «Не ходи в милицию, не говори со службой безопасности, иначе живым сына не получишь, жди связи».

Марина возвратилась в квартиру, в голове роились мысли, в основном нехорошие. Костю похитили и теперь потребуют выкуп. Она готова заплатить за сына любые деньги, лишь бы вернуть его живым.

– И вы не пошли в милицию! – не выдержал я.

Марина мотнула головой.

– Нет.

– Какая глупость! – воскликнул я.

– А смысл? – пожала плечами Арапова.

– Существует специальное подразделение, там служат профессионалы...

– Ваня, – с горечью перебила меня Марина, – очнись! Ну-ка вспомни, помогли тем, кто «Норд-Ост» не в добрый час посмотреть решил? Или жителям Беслана? Сколько людей погибло! И ведь вся страна переживала, да что там Россия – весь мир к телевизорам прилип, и то ничего практически не сделали, сотни погибли. Кто же ради одного моего сына напрягаться будет? Нет, тут самой надо действовать.

Я раскрыл было рот, но Нора недовольно заявила:

– Хватит, лучше слушай.

Пришлось проглотить разумные аргументы и внимать

глупостям, изрекаемым Мариной.

В районе обеда ей позвонил мужчина и, произнося слова с сильным кавказским акцентом, спросил:

– Дорогая, сидишь тихо?

– Да, – недрогнувшим голосом ответила Арапова.

– Молодец, слушай сюда. Сын твой жив, здоров, иди вниз, кассету возьми, посмотри внимательно, я тебе через полчаса позвоню.

Арапова кинулась на первый этаж, в почтовом ящике и впрямь лежала ничем не примечательная видеокассета.

Марина включила видеомаягнитофон и уставилась на экран, сначала по нему запрыгали серые полосы, потом неожиданно возникла фигура Кости. Он стоял на коленях, около него маячили два парня с лицами, закрытыми черными вязаными шлемами, в прорезях сверкали глаза, а в руках бандиты держали автоматы.

Внезапно один из похитителей толкнул Костю дулом, тот вздрогнул и забубнил:

– Мама, прости, отдай им все, что они хотят, иначе меня убьют.

Потом вдруг он заплакал, громко причитая:

– Мамуля, выкупи меня, я не хочу умирать, мама-а-а...

Крик оборвался, запись закончилась, и тут, словно по заказу, вновь ожил телефон.

– Ну как, дорогая, все поняла? – вкрадчиво поинтересовался кавказец.

– Чего вы хотите? – пытаюсь изобразить равнодушие, осведомилась Марина.

– Денег.

– Сколько?

– Отдай карточку на лондонский счет, – сказал кавказец, – увидишь, как все хорошо получится! Никто ничего не узнает, сына вернешь, люди вопросы задавать не станут! А лавэ еще заработаешь!

Арапова задохнулась от обуревавших ее чувств.

– Подумать хочешь, дорогая? – мигом спросил голос. – Правильно, сгоряча не решай, имеешь пятнадцать минут. Дашь денег на святое дело – вернем сына, откажешься – получишь кассету со сценой казни. Тебе решать, дорогая! Перезвоню.

Марина упала на диван, оставалось лишь удивляться, откуда кавказец знает тщательно скрываемый семейный секрет. Герасим в свое время открыл в одном из лондонских банков счет на предъявителя. Каким образом он ухитрился обойти существовавший тогда в России запрет на перевод капиталов за границу, особый разговор, не это сейчас главное. Герасим упрятал немалую часть своих денег в столице Великобритании и с регулярностью пополнял «казну». Никаких особых телодвижений, чтобы воспользоваться деньгами, делать бы не пришлось, следовало лишь подойти к банкомату и сунуть в него карточку. Получить деньги из Лондона мог человек, знающий пин-код. Более того, прибыв в сто-

лицу Великобритании и сообщив служителям банка пароль, любой индивидуум мог закрыть счет, перевести все деньги куда ему заблагорассудится. Герасим накопления не расходовал, он их лишь пополнял. После смерти мужа Марина ни разу не воспользовалась заветной карточкой, Арапова очень хорошо понимала: она живет в России, стране непредсказуемых политических и экономических катаклизмов. Сейчас у нас все хорошо: некая стабильность, капитализм, свобода слова и бизнеса. Но кто даст гарантию, что здесь снова не настанет какой-нибудь семнадцатый, тридцать седьмой или девяносто первый год. Случись беда, Марина, прихватив Костю с Аней, эмигрирует в Англию и начнет там вполне комфортную жизнь. Карточка «VISA» – гарантия спокойствия и благополучия семьи Араповых. И о тайном счете не знал никто, только покойный Герасим и Марина. Сама карточка, тонкий прямоугольник черного цвета, не хранилась дома, она лежала в арендованной банковской ячейке, в которой Марина держала свои самые дорогие бриллианты. Думаете, карточки, открывающие доступ к счетам с астрономическими суммами, обязательно имеют золотое покрытие? Это правило действует лишь в России, большинство из бывших советских людей и не предполагает, что самый дорогой пластик черный. Любой служащий иностранного банка, увидев клиента с подобной картой, сразу начнет приседать, кланяться и предлагать кофе, чай, коньяк, пирожные. Черные карты выдают людям, к которым управляющий сам приезжает на

дом, к простым VIP-персонам такой вкладчик не имеет отношения, он так же далек от них, как Билл Гейтс от мальчика, получившего на день рождения обычный компьютер.

Но в России о черных картах знает лишь очень узкий круг ответственных сотрудников банков, и Марина могла бы спокойно носить карточку при себе, однако она не желала рисковать, поэтому все наиболее ценное хранила в ячейке банка.

Откуда кавказец узнал про это? Деньги на лондонский счет поступают таким кривым путем, что найти концы невозможно. Герасим умер, тайной владеет одна Марина, она не пьет, следовательно, не могла в алкогольном бреду выдать секрет. Любовников у нее нет, дети не знают про лондонский счет. Где утечка информации?

Ее мрачные раздумья снова прервал звонок.

– Ну, дорогая? – вкрадчиво промурлыкал негодяй.

– Я согласна, – выдавила из себя Марина.

– Правильно.

– Когда вернете мне сына?

– Гони карточку, пин-код, пароль, и парень твой, для начала назови код.

Марина рассмеялась.

– Не держи меня за дуру, сперва Костя, потом остальное. Где он? Едем туда!

– Так и знал, что ты осторожна, – похвалил ее похититель, – ладно, будь по-твоему. Отдашь карточку на месте.

– Где?

– Костя в Чечне.

Трубка чуть не выпала из рук матери.

– Где? – закричала она, теряя остатки столь тщательно демонстрируемого спокойствия.

– Тише, дорогая, – укорил кавказец, – мы же взрослые люди, не дети. Константин в правильном месте, кормят, поят его. Забирать сама будешь. Поедешь?

– В Чечню?

– Да.

– Хорошо, – дрожащим голосом ответила Марина.

– Карточку бери с собой, – напомнил негодяй, – без нее не получишь своего джигита. И особое условие: отправляйся одна, никому ни слова, сообщишь в милицию – простишься с сыном.

Марина собралась с силами и нашла достойный ответ:

– Значит, так! Я еду за сыном.

– Не сомневался в твоём решении.

– Отдаю карточку, получаю мальчика.

– Хорошо.

– Он садится в машину и отправляется домой, причем не один, а вместе с человеком, который прибудет со мной. Я остаюсь в заложницах. Когда они достигнут дома, спутник Кости сообщит мне, что все в порядке, и тогда я скажу пинкод и пароль.

– Ну нет, дорогая, – разволновался чеченец, – ты едешь

одна.

– Никогда, – твердо заявила Марина, – какие у меня гарантии, что мы останемся живы? Сообщу вам нужные сведения, а вы нас с сыном пристрелите.

– Мы не звери, дорогая, нам шум не нужен, деньги на борьбу требуются.

– Нет.

– Тогда сына убьем.

И тут Марина пошла ва-банк, откуда у нее взялись силы и мужество, непонятно, но она, дочь профессиональных актеров, великолепно сыграла мгновенно придуманную роль.

– Что ж, – делано-равнодушно заявила несчастная мать, – значит, судьба у него такая, я поплачу и успокоюсь, деньги при мне останутся, а иначе и Кости лишусь, и средств. Слушай теперь мое условие: либо я еду с сопровождающим, либо конец истории!

Кавказец кашлянул.

– Не горячись, дорогая! Тебе сына не жаль?

– Жаль.

– Тогда давай карточку, и никуда ехать не придется, мы не обманем, вернем Константина.

– Гарантии?

– Слово джигита.

Марина истерично расхохоталась.

– Ты, похоже, не в себе, – вымолвила она, успокоившись, – более нам говорить не о чем. Либо будет по-моему, либо ни-

как.

– Жди звонка, – велел голос.

Марина застыла у аппарата, прижимая руки к груди, под ее ладонями испуганной птицей билось сердце. Арапова пребывала в ужасе: вдруг она совершила роковую ошибку? Может, следовало покорно принять условия мерзавца?

Два часа Марина металась по квартире, потом ей опять позвонили.

– Хорошо, дорогая, – вкрадчиво сказал кавказец, – мы не разбойники, а борцы за политическую свободу своей страны, деньги нам нужны на святое дело. Ты – мать, мы готовы пойти на уступки, поезжай со спутником, но его кандидатуру мы назовем сами.

– Вы скажете имя того, с кем мне отправляться в Чечню?

– Да.

– Не пойдет.

– Почему, дорогая?

– Это должен быть мой знакомый, человек, которому я доверяю, а не ваш ставленник.

– Так и будет. Жди до завтра, скажем имя.

Вот тут Марина окончательно растерялась.

– Вы завтра сообщите кандидатуру из числа моих знакомых?

– Именно так, дорогая.

– Но откуда вы знаете, с кем я нахожусь в хороших отношениях?

Собеседник кашлянул.

– Мы, дорогая, знаем все. Жди.

Стоит ли говорить, в каком настроении пребывала Арапова? Для начала она отправилась за Аней в институт на машине и, приехав домой, велела девочке:

– Сиди дома, носа не высовывай целую неделю, а там посмотрим.

– Почему? – заныла дочь.

– Так надо.

– Но у нас завтра занятия!

– Плевать.

– Двойку получу, – стонала отличница.

– Я поговорю с деканом и все улажу.

– Да что случилось?

– Ничего.

– Ладно, пойду позвоню Костьке, пусть мне по дороге домой мороженое купит, – сдалась Аня.

– Нет! – заорала Марина с такой силой, что на столе подскочил графин. – Не смей пользоваться телефоном, ни домашним, ни мобильным. Вообще, отдай свой сотовый мне, не включай компьютер, не входи в Интернет, будет лучше, если ты просто ляжешь на диван и читаешь книгу, Диккенса, к примеру, или Вальтера Скотта.

– Ма, ты офигела? – разинула рот Аня. – Что у нас стряслось?

Марина поняла, что перегнула палку, и попыталась испра-

вить ситуацию.

– Ничего, у меня мигрень.

– А почему нельзя телефоном пользоваться?

И тут аппарат затрезвонил, Марина коршуном бросилась к трубке.

– Да, – сильно побледнев, закричала она, – ах, это ты! Привет, Нина, все хорошо...

Пока мать вела ничего не значащий разговор с одной из своих многочисленных знакомых, Аня тихо сидела на диване, но, когда Марина положила трубку, девочка спросила:

– Ну и почему надо никуда не высовываться и читать?

Сообразив, что дочь заинтригована, и ругая себя за неумение сохранять спокойствие в любой ситуации, Марина начала ловко врать.

– У нас беда!

– Какая?

– Костя пошел сдавать анализ крови, у него обнаружили СПИД.

– Мама!!!

– Вот-вот, – лгала Марина, – понимаешь, какой ужас?

– Ой!!!

– Никому ни слова.

– Да-да!!!

– Диагноз пока не подтвержден полностью.

– Вау!!!

– Лучше тебе сидеть дома.

– Почему?

– Я так велю!!!

– Хорошо, хорошо, – залепетала Аня, – а телик смотреть можно?

– Да, – кивнула мать, – но ни с кем не общайся, нам надо соблюсти тайну. Если выяснится, что СПИДа нет, то и слава богу, но если он в наличии... Мы обязаны молчать, иначе рухнет все, мой бизнес, твои занятия в институте... Люди станут шарахаться от нас, ясно?

Марина очень хотела запугать дочь, заставить ту не высывать нос из дома. Конечно, она придумала не лучший повод. Объявить сына зараженным практически неизлечимой болезнью – большой грех, но у бедной матери просто не нашлось времени, чтобы изобрести иную причину, по которой Ане нужно пропустить лекции и сидеть дома. Кстати говоря, многие студентки мигом бы воскликнули с удивлением:

– Ладно, понимаю, у Кости СПИД, значит, он теоретически может быть и у меня. Хорошо, временно посижу дома, не стану общаться с приятелями, но при чем тут Интернет и телефон? Вирус же никак не может передаваться по проводам? И почему мне нельзя поехать в лабораторию, чтобы сдать кровь?

Но Анечка тугодумка, она слегка апатична. Скорей всего, из нее никогда не получится хорошей актрисы, девочка не обладает той энергетикой, которая всегда сопровождает великих лицедеев. Если честно, то больше всего на свете Аня

любит вкусно есть. Сесть на диету она не согласится, даже если от этого будет зависеть получение ею «Оскара». Поэтому она сказала:

– Ладно, мам, не волнуйся, все обойдется, вот увидишь, у Костьки ничего не найдут.

Потом пошла на кухню, схватила коробку с конфетами и уютно устроилась в своей комнате.

А вот Марина не отходила от телефона, и в конце концов чеченец сообщил ей имя выбранного спутника: Иван Павлович Подушкин.

Глава 4

Влети в комнату сейчас шаровая молния или появиться на ковре белый медведь в купальном костюме с книгой о правильной и здоровой пище в волосатой лапе, я бы и то удивился меньше. Мой рот сам по себе открылся, но я не мог издать ни звука, голосовые связки парализовало. Пару секунд я сидел тихо, потом все же сумел выдавить из себя:

– Вы уверены?

– В чем? – спросила Марина. – В точности данных? Абсолютно. Подушкин Иван Павлович.

– Может, это не я?

– А кто?! – сердито воскликнула Арапова. – Ты знаешь в нашем окружении еще одного господина Подушкина?

– Нет, но, вероятно, в Москве живет мой тезка? В конце концов, не такая уж это и редкая фамилия...

На лице Марины появилось выражение презрения, потом отчаяния, она повернулась к Норе и горько воскликнула:

– Ну что я вам говорила? Они все трусы!

Элеонора стала перекладывать на столе бумажки. Сначала она зачем-то сложила все листы стопкой, потом принялась выстраивать в линию коробочки, стаканчики с ручками, пресс-папье, часы...

Глядя на то, как медленно и методично двигаются руки хозяйки, я понял, что она сильно нервничает и, очевидно,

так же, как и я, не способна сейчас подобрать нужные слова. Наконец Нора откашлялась и забормотала, ее речь вновь повергла меня в удивление. Хозяйке всегда свойственно высказываться очень конкретно, основную часть глаголов Нора употребляет в повелительном наклонении, и владелица детективного агентства «Ниро» уверена в себе, часто безапелляционна, а порой откровенно жестока. Но сейчас я услышал необычные для Норы обороты:

– Видишь ли, Ванечка, как бы получше выразиться... Естественно, никоим образом я не могу, вернее, не имею права... То есть считаю неправильным... Нет, не так... Ты сам должен принять решение... Работа – одно, а подобная поездка... э... э... акт некоего героизма...

Марина подняла свои огромные, лихорадочно блестящие глаза и, бесцеремонно перебив Нору, сказала:

– Короче говоря, сколько ты хочешь за то, что будешь сопровождать меня?

– Ничего, спасибо.

– Я дам любую сумму.

– Нет, нет.

– Денег не желаешь?

– Ни в коем случае, – отбивался я.

– Понятно, тогда предлагаю квартиру, – переменяла тактику Марина, – в любом районе Москвы, полностью готовую к проживанию, с мебелью. Тебе останется лишь войти и поставить чайник, по рукам?

Я вздрогнул, Арапова попала в мое самое больное место, в мягкое, незащищенное брюшко Ивана Павловича. Я, по существу, бомж. Нет, я имею постоянную прописку в квартире, где провел детство, юность, часть зрелости и где сейчас обитает моя мать Николетта. Но если с Норой что-нибудь случится или она выгонит меня прочь, придется возвращаться к маменьке, а от осознания сей перспективы у вашего покорного слуги сразу начинают болеть зубы, открывается тахикардия, подскакивает давление... Личная жилплощадь, собственная берлога, где лежат любимые книги и царит нужный мне порядок, – несбыточная мечта. Зарботков секретаря никогда не хватит на ее осуществление.

В чем, в чем, а в наблюдательности Марине было не отказать.

– Так как? – наседала она на меня. – Я готова немедленно дать команду риелторам.

На лице Норы мелькнуло странное выражение, некая смесь удивления с безразличностью.

– Нет, – решительно отрезал я, – извините, но я не способен на подобный поступок, честно говоря, я боюсь за свою жизнь.

Нора крикнула, Марина кивнула.

– Хорошо, – неожиданно спокойно сказала она, – я и не надеялась на твое согласие, да и какое право я имею требовать от постороннего человека геройских поступков? Если честно, самой непонятно, отчего похитители выбрали мне в

спутники Ивана Павловича. Хотя, думаю, они давно следили за нашей семьей, изучили ее окружение и отлично знают, что...

Арапова замолчала, но я мысленно закончил за нее недосказанную фразу: «...он трус и никогда не согласится на такую поездку». Да уж, преступники явно хорошие психологи, рассчитали точно, вроде соблюли условие, выдвинутое Мариной, но сделали так, чтобы оно было невыполнимо, причем не по их вине. Негодяи откуда-то знают меня и понимают: Иван Павлович не герой, а самый обычный среднестатистический мужчина. Знаете, мы все на самом деле трусы, только не каждый способен громко заявить об этом окружающим открыто, как я, честный человек, не способный лгать женщине!

Марина встала и, сгорбившись, пошла к двери.

– Ты куда? – шепотом окликнула ее Нора.

Арапова оглянулась, в ее глазах метался детский испуг и полная безнадежность.

– Странный вопрос, еду к Косте.

– Сейчас?!

– Да, мне велено явиться на станцию Пролетово, это в Подмосковье, там меня встретят.

– Отправишься одна?

Марина неожиданно улыбнулась.

– А кто мне поможет? В этой жизни каждый сам за себя, герои, способные защитить слабого и обиженного, остались

в прошлом. На всякий случай прощайте.

– Погоди, погоди, – засуетилась Нора, – может, тебе денег дать?

– Спасибо, вполне своих хватит.

– Сейчас я велю Шурику отвезти тебя на станцию.

– Ни в коем случае, – отрезала Марина, – меня ждут на моей машине. Знаете, я сразу им сказала, что Ваня не согласится, и получила ответ: тогда приезжай одна – либо он, либо никто. Я к вам пришла... потому... потому, э, сама не знаю почему! Забудьте нашу встречу, считайте, что ее не было. Иван Павлович, извини меня.

– Что ты, – неожиданно тыкнул я Марине, – о чем речь!

– Не должна была я даже предлагать тебе такое.

– Ну... ерунда.

– Еще раз прости, я поступила крайне эгоистично.

– Да, да, – закивал я.

– Погоди, – воскликнула Нора, – а где Аня? Девочку ты куда подевала?

– Сказала ей, что на пару дней отправляюсь в больницу, к Косте, – равнодушным голосом пояснила Марина. – Велела дочери не высовываться, оставила с ней домработницу. Если мы с Костиком вернемся, заживем по-старому, денег я еще накоплю, а коли нас убьют после получения карточки... Ладно, не следует думать о плохом! Я вернусь! С сыном! Вас же прошу лишь об одном: извините за доставленное неудобство и никогда никому ни при каких обстоятельствах не расска-

зывают о нашем разговоре. Могу я надеяться на ваше молчание?

Мы с Норой разом кивнули.

– Спасибо, – ровным, дикторским голосом закончила Марина, – я всегда знала, что вы благородные люди, не чета остальным. Прощайте.

Маленькая фигурка со слишком прямой, словно накрахмаленной, спиной и гордо вскинутой головой направилась к двери. На ярко блестящих, уложенных в дорогой парикмахерской волосах играли блики света от хрустальной люстры, украшавшей кабинет Норы. Мне стало не по себе, наверное, вот так, отчаянно выпрямившись, Жанна д'Арк поднималась на кучу хвороста, возле которой стоял палач с зажженным факелом. «Я всегда знала, что вы благородные люди, не чета остальным». Внезапно я словно раздвоился, одна моя половина вжалась в кресло, отчаянно повторяя: «Ничего, все в порядке, чеченцы честные люди, возьмут деньги и вернут Костю, они с Мариной приедут в Москву. Сиди, Ваня, не рыпайся». Но вторая половина вдруг умылась стыдом, покрылась потом и неожиданно произнесла:

– Я еду с тобой.

Марина замерла, потом обернулась, на ее личике Барби возникло такое выражение, словно она встретила инопланетянина.

– Что? Повтори!

Первая половина Ивана Павловича попыталась заткнуть

рот второй, но потерпела неудачу: дрожа от страха, ощущая полнейший душевный дискомфорт и невероятное желание оказаться сейчас в ста километрах от кабинета Элеоноры, я с огромным трудом вымолвил еще раз:

– Еду с тобой.

– Ты хорошо подумал? – воскликнула Нора.

Я обернулся к хозяйке.

– Нет, если я стану размышлять на эту тему, то точно струшу. Лучше прыгнуть в ситуацию, как в реку, вниз головой, авось выплыву. Сколько у меня есть времени на сборы?

Марина глянула на часы.

– Семь минут, ничего брать с собой нельзя, и лучше переоденься.

Огромным усилием воли переставляя налившиеся свинцом ноги, я, тоже старательно выпрямившись, пошел в свою спальню.

– Блин, – ударил в спину голос Норы, – просто офигеть! Меньше всего я предполагала, что он окажется способен на такое!

* * *

Сначала мы ехали молча, Арапова гнала автомобиль с такой скоростью, что я, вжавшись в сиденье, старался не шевелиться. Стрелка спидометра как легла на цифру «180», так и осталась на ней. Хорошо еще, что шоссе оказалось широким

и с относительно новым покрытием.

– Куплю тебе квартиру, – сказала Марина, когда мы углубились в лес.

– Хочешь меня обидеть? – откликнулся я. – Или комфортнее думать, что оплатила услугу?

Марина никак не отреагировала на мою фразу, но спустя пару минут вдруг улыбнулась.

– Ты же не согласишься в качестве награды стать женихом Ани?

Я засмеялся:

– Право, это слишком. И потом, кто для кого является призом? Твоей дочери еще рано замуж.

Арапова чуть сбавила скорость.

– У меня ничего нет, кроме детей и денег.

– Полно людей, не имеющих ни того, ни другого.

– Но я хочу отблагодарить тебя.

– Пока не за что!

– Ты поехал со мной!

– Думаю, любой на моем месте...

– ...мигом убежал бы в кусты, – перебила меня Марина. – Короче, выбирай что хочешь!

– Спасибо, – я начал злиться, – денег не надо, а дочь оставь себе, я не страдаю педофилией, мне нравятся дамы зрелого возраста.

– Такие, как я?

– В принципе, да, – не подумавши ляпнул я.

– Ваня, – мгновенно сориентировалась Марина, – не могу сказать, что ты в моем вкусе, но, как только мы вернемся с Костей назад, я готова...

– Ни в коем случае, – испугался я, – послушай, я согласился из глупого благородства на сомнительное приключение. А ты решила отблагодарить меня тем, чего я старательно избегаю последние годы. Гран мерси, совершенно не намерен жениться!

– Я тебе не нравлюсь? – изящно изогнула выщипанную бровь Арапова.

Да уж, женское кокетство – неистребимая страсть, даже в тяжелой ситуации Марина не упустила возможности состроить глазки.

– Нет.

– Почему?

– Не люблю блондинок, – резко ответил я.

Тот, кто не первый раз встречается со мной, хорошо знает, что я никогда не хамлю дамам, но сейчас на душу давило предчувствие беды, вот я и сорвался.

Арапова снова уставилась на шоссе, и оставшуюся часть пути мы проехали в молчании. Наконец впереди замаячила маленькая, абсолютно пустая платформа.

– Тут должен быть указатель «Пролетово, 0,5 км», – занервничала Марина.

– Вон он, слева.

– Точно, значит, не ошиблась, теперь направо, до моста

через речку, – бормотала Арапова, безжалостно направляя роскошный джип в раскисшую грязь.

– Не застрянем? – озаботился я.

Но Марина не услышала вопроса, она была целиком поглощена дорогой.

– Чуть вперед, до брошенной деревни, вот развалины церкви... кладбище... А! Вот он!

– Кто? – напрягся я.

Марина ткнула пальцем вперед.

– Щит с надписью «Берегите лес», видишь?

Я взглянул на транспарант, в левом его углу красуется на-малеванная хулиганами рожица, в правом – сверкает площадное слово.

– Надо же, подобные щиты еще украшают Подмоскowie! Думал, они исчезли давным-давно. Интересно, кто их устанавливает?

Арапова вытащила мобильный, и тот, словно по заказу, мигом затрезвонил.

– Слушаю! – крикнула Марина. – Ага, поняла. Он согласился, мы идем вместе. Ясно! – Потом она повернулась ко мне: – Пошли.

– Куда?

– По тропинке, которая ведет от щита в лес.

– Пешком?

– Да.

– А машина?

– Здесь оставим.

– Бросим в лесу?

– Да.

– Джип стоимостью в семьдесят тысяч долларов?

– За него было уплачено сто тысяч гринов, – уточнила Марина, – вылезай, хватит гундеть.

Я выбрался наружу и поежился: хоть и апрель, а холодно, за городом вообще морозно.

Я урбанист, прогулки по лесу не любил никогда, даже в молодости. Один раз, правда, в студенческие годы поддался на уговоры и отправился с одноклассниками в поход. Поверьте, ничего ужасней в своей жизни я с тех пор не испытывал и даже сейчас пребываю в глубочайшем недоумении: ну кому приятно тащить на спине пудовый рюкзак, есть грязную, полусырую картошку и спать в продуваемой насквозь палатке, отмахиваясь от громадных комаров? Если это и есть романтика, то тогда я начисто лишен сего чувства.

Марина бодро шагала впереди, казалось, она не испытывает холода и страха, мне же было некомфортно физически и тем более морально.

В темноте блеснул луч фонарика, мы замерли. Из леса вышла фигура, с ног до головы укутанная в черное. Лицо существа непонятной половой принадлежности скрывал черный вязаный шлем.

Луч фонарика дрогнул, потом указал на автомобиль, старые, раздолбанные «Жигули», вроде бы темно-синего цвета.

– Нам велят сесть туда, – нервно пояснила Марина.

Не успел я вымолвить слова, как Арапова распахнула дверцу и юркнула в салон. Луч фонарика ударил мне в глаза, потом переместился на авто. Я покорно последовал за Мариной.

Стекла колымаги были тонированы, за рулем восседала еще одна замотанная в тряпки фигура, но я сообразил, что водитель мужчина, потому что руки, державшие баранку, хоть и были затянуты в перчатки, оказались большими, широкими, совершенно не женскими.

В машину ворвался холодный воздух, я вздрогнул, сидевшая около меня Марина тоже, на переднее сиденье плюхнулось то самое существо с фонариком, что встретило нас, оно по-прежнему не произносило ни слова, но шофер поехал вперед. Загремел плохой амортизатор, «Жигули» затряслись. Марина схватила меня за руку, ее горячие пальцы вонзились в мою ладонь. Неожиданно я понял, что все спокойствие Араповой, ее дурацкое кокетство со мной во время пути, предложение стать женихом Ани на самом деле глупая бравада, Марина отчаянно пытается не показать охвативший ее ужас.

Чтобы успокоить ее, я кашлянул и решил завести с чеченцами беседу.

– Добрый день, вернее, вечер. Очевидно, нам предстоит неблизкая дорога, может, лучше познакомиться? Меня зовут Иван Павлович Подушкин.

Молчание. Две черные, похожие на громадных крыс фигуры на переднем сиденье не шелохнулись. Но я решил не сдаваться, до Чечни далеко, скорее всего, добираться туда будем на этих «Жигулях», следует хоть чуть-чуть наладить контакт с молодыми людьми. Впрочем, отчего я решил, что они молодые? Может, по той причине, что старцы должны сидеть дома, а не колесить ночью по дорогам?

— Рядом со мной Марина Арапова, мать Кости, — соловьем заливался я, — кстати, если вдруг мы захотим в туалет или испытаем голод, к кому из вас нужно обратиться? Представьте, пожалуйста, право, неудобно общаться, не употребляя имени собеседника, это невежливо, а мне не хочется показаться некорректным.

Человек, маячивший на переднем сиденье справа, обернулся.

Я обрадовался: вот он, пример того, что с любым субъектом, даже подонком и негодяем, возможно договориться, если вести себя дипломатично.

Навесив на лицо самую милую из имеющихся в запасе улыбок, я хотел было продолжить беседу, но тут в черной руке блеснул пистолет странного вида, слишком толстый, полупрозрачный. Или это было не оружие?

Мозг не успел придумать ответа на этот вопрос. Послышался тихий деликатный щелчок. Марина вздрогнула, дернулась и завалилась набок. Я испугался, попытался нащарить ручку на дверце, но в ту же секунду в плечо будто впилась

оса. Последней мыслью перед тем, как отбыть в небытие, была: «Господи, в апреле же жалящие насекомые еще спят». Потом свет потух, и исчезли все ощущения.

Глава 5

В виске пульсировала тупая боль. Не раскрывая глаз, я сел, тут же довольно больно ударился головой о потолок, от изумления упал назад, на подушку, и в конце концов сумел разлепить веки.

Перед глазами предстало помещение без окон, откуда в него проникал свет, было непонятно. Я попытался оценить ситуацию. Лежу на грязном матрасе в углу подвала, мое ложе в некоем подобии ниши, и, чтобы нормально встать на ноги, нужно почти на четвереньках выбраться из углубления в стене. На мне джинсы и мятая рубашка, а голова болит так, словно вчера вечером я выпил все имеющиеся в Москве запасы спиртного.

– Ты проснулся? – послышался из угла быстрый шепот.

Я сфокусировал взгляд: чуть поодаль на таком же грязном матрасе сидела Марина. От красивой укладки на ее голове не осталось и следа, макияж тоже испарился. Сейчас Арапова не выглядела хорошенькой куколкой, сразу стало понятно, что тридцатилетие – давно пройденный для дамы этап, но странным образом Марина стала от этого милее.

– Эй, ты как? – зашептала она.

– Ужасно, – признался я.

– Голова гудит?

– Да.

– И тошнит?

– Верно.

– Со мной то же самое, думаю, это результат применения большой дозы снотворного.

– Что? – не понял я.

– Похоже, похитители использовали пистолет, заряженный ампулами с наркозом, – вздохнула Арапова. – Такие применяют в ветеринарии, чтобы усыпить опасное животное.

– Хочешь сказать, что нас доставили в нужное место, когда мы спали?

– Именно так.

– Это Чечня?

– Думаю, да.

– Ну, это маловероятно.

– Почему?

– До мятежной республики не один день пути, – ответил я, борясь с подступающей к горлу тошнотой.

– Ваня, у тебя часы дату показывают?

– Конечно.

– Они электронные, не требующие подзаводки?

– Верно, механика лучше, но...

– Речь сейчас идет не о марках брегетов, – зашипела Марина, – а о том, что твой будильник исправно работает от батареек, так?

– Так, – подтвердил я, плохо понимая, куда клонит Ара-

пова.

– Помнишь, когда я пришла к вам?

– Сегодня вечером.

– Число назови!

– Двенадцатое апреля.

– А теперь на часы взгляни!

Я поднес руку к лицу и ахнул:

– Пятнадцатое!

– Верно, у меня то же самое.

– Но куда подевались тринадцатое и четырнадцатое?

– Мы их проспали, нас усыпили, оттого и голова гудит.

– Семь ровно, – в изумлении сказал я, – утро или вечер?

– Не знаю.

Я попытался собраться с мыслями.

– Надо позвонить по мобильному, набрать сто, там скажут, допустим, девятнадцать часов...

– Ваня, – перебила Марина, – у тебя сотовый есть?

Я похлопал себя по карманам.

– Нет! Впрочем, и кошелек отсутствует, и сигареты.

– И у меня забрали все.

– Карточка! Она пропала?

Марина фыркнула:

– Какой смысл ее красть? Без пин-кода и пароля это простой кусок пластика!

Внезапно меня осенило:

– Мы попали в руки к грабителям!

– Чушь, сидим в подвале, в Чечне.

– Нет, нет, нас обманули, обвели вокруг пальца, завезли сюда, чтобы отнять деньги и телефоны.

Арапова покрутила пальцем у виска.

– Ку-ку! Очнись! Слишком масштабная операция ради копеечной выгоды. Снотворное, поездка...

– А твой джип? Он же остался брошенным на дороге, – настаивал я.

Вдруг послышался лязг, дверь распахнулась, на пороге появился тощий, гибкий парень в джинсах и серой толстовке, лицо его было прикрыто вязаным шлемом.

– Очнулись? – спросил он странным, слишком высоким голосом с сильным акцентом.

– Да, – живо отозвалась Марина, – где Костя?

– Будет тебе Костя-Шмостя, карточку привезла?

– Она в украденном вами портмоне.

– Мы ничего не воруем!

– У меня тоже пропали вещи, – некстати влез я.

Юноша издал горловой звук.

– Вах! Их просто убрали.

– Верните сумочку, – велела Марина.

Парень обернулся и крикнул что-то на своем языке.

Ему кто-то ответил из темноты, и в руках парня волшебным образом возник пластиковый пакет. Чеченец швырнул его в нашу сторону.

– Берите, нам, воинам Аллаха, чужого не надо.

Марина встала, подняла кулек, вытащила оттуда сумку из змеиной кожи и суровым голосом спросила:

– Где Костя?

– Пошли, – велел чеченец.

По крутой лестнице мы выбрались наверх, и я невольно вздрогнул. Во дворе, который со всех сторон окружает сплошной бетонный забор, нет ни деревца, ни травинки. Впереди виден старый дом из красного кирпича, одно из его окон открыто, на подоконнике стоит радиоприемник, из него льется тихая музыка, по бокам – железные ставни, на которых чья-то неумелая рука нарисовала орнамент, отдаленно напоминающий виноградные листья. В центре двора находится лавочка, на ней сидят двое: мужчина с лицом, закрытым черным шлемом, и... Костя.

– Котик! – закричала Марина, кидаясь к сыну.

– Мама, – всхлипнул тот.

Чеченцы молча смотрели, как она судорожно обнимает сына. Я внезапно осел прямо на землю, от свежего воздуха дурнота не прошла, а странным образом усилилась. С неба сыпалась колкая белая крупа, потом резко подул ветер, тучи унесло, засияло солнце, низко висящее над оградой.

– Хватит, – рявкнул мужчина на лавочке, – давай карточку!

Марина вытащила из сумочки конверт.

– Вот.

– Пин говори и пароль.

– При всех орать? – прищурилась Арапова. – Может, громкоговоритель дадите? А то вдруг соседи не услышат.

Я поразился храбрости той, которую считал куклой Барби. Впрочем, одобрить поведение Марины никак нельзя. Похитителей не следует злить, не дай бог они взбеленятся и пристрелят нас. Наверное, последняя мысль отпечаталась на моем лбу, потому что Марина неожиданно усмехнулась.

– Крысы боятся огня, – сказала она, – нас, Ваня, не тронут, пока я цифры не сообщу. Убивать не станут, какой смысл? Без кода и пароля карточку можно выкинуть.

Юноша в черном шлеме кашлянул, мужчина на лавочке пнул Костю ногой.

– Гордая, да? – ехидно осведомился он.

– Уж не такая, как ваши бабы, – не сдала позиций Арапова.

– А-а-а, – протянул чеченец, – ну-ну.

Потом он встал, схватил Костю за волосы и в одно мгновение швырнул его на землю.

– Мама, – слабо пискнул парень.

Марина кинулась к сыну, но тут же замерла на месте. Чеченец успел вытащить пистолет и приставить его к голове Кости.

– Значит, так, – размеренно сказал он, – гордых учить надо, Аллах не велит заноситься, нельзя ставить себя над другими. Деньги лично мне не нужны, ни копейки из них не возьму, они на борьбу предназначены. Ну пропадет твоя кар-

точка, и что? Из другого места средства придут. А тебе за гордость наказание, прощайся с сыном.

Марина посерела, Костино лицо окаменело, он попытался что-то сказать, но не сумел раскрыть рта. Я бросился к чеченцу.

– Бога ради, сжальтесь.

– Плохо быть гордой.

– Она от переживаний глупость сморозила, от страха.

Чеченец пнул Костю ногой, тот закричал, Марина продолжала стоять на месте.

– Видишь, – обратился ко мне мучитель, – не прав ты, плохая она мать.

– Просто замечательная, – заголосил я, словно базарная торговка, расхваливающая товар, – великолепная, умная, она вдова. Муж у нее погиб, сын только и остался. Не убивайте его, умоляю.

Чеченец засмеялся.

– На колени становись и проси.

Я рухнул, словно подкошенный, на землю.

– Отпустите Костю.

Первый раз в своей жизни я стоял перед кем-то на коленях. Я не церковный человек, у меня нет особого смирения и опыта земных поклонов, так же, как все, я подвержен греху гордыни, но сейчас был готов на что угодно, лишь бы не присутствовать при казни.

Понимаю, как упаду в ваших глазах, когда узнаете прав-

ду: мне, естественно, было жаль Костю, но еще больше я жалел себя. Если сейчас мерзавец выстрелит, голова несчастного парня разлетится на куски, меня потом всю оставшуюся жизнь будет мучить бессонница и преследовать картина кровавой расправы.

– Хорошо, – кивнул чеченец, – считай, ты его почти отпросил, теперь пусть она на колени станет. Ну, живо!

Марина медленно опустилась около меня.

– Проси, – велел чеченец.

– Мать голоса от стресса лишилась, – быстро встрял я, – давайте я за двоих молить стану.

– Значит, она онемела?

– Да, да.

– Тогда пусть мне ботинок поцелует, – улыбнулся во весь рот бандит.

Продолжая мерзко ухмыляться, он выставил вперед левую ногу, обутую в грязную кроссовку. Во дворе стало тихо-тихо, я почувствовал, что дико замерз. Холод пробрался под куртку, колени, стоявшие на земле, совсем заledenели.

– Ну? – издевательски напомнил бандит. – Ты сына получить хочешь? Я жду.

Мое горло будто сдавили стальные пальцы, а зрение отчего-то потеряло резкость. Сквозь возникший туман глаза с трудом различили, как белокурая голова наклонилась над ногой мерзавца.

– Хорошо, – засмеялся подонок, – теперь говори код, па-

роль и забирай парня.

– Нет, – прозвучал слишком громкий голос Марины, – сначала Костя и Ваня должны уехать, я остаюсь тут в заложниках, а потом...

Внезапно тихая музыка, лившаяся из стоящего на подоконнике приемника, стихла, и раздался приятный голос дикторши:

– В Москве двадцать часов...

Ее речь была прервана тягучим, длинным криком:

– Мухамма-а-а-ад...

Я сначала испугался, но через секунду понял, что это голос муллы, читающего молитву, где-то рядом расположена мечеть. Чеченцы вздрогнули, потом одновременно, словно по команде, достали из-под скамеечки два коврика, быстро расстелили их, стали на них коленями лицом к солнцу и принялись кланяться, бормоча непонятные слова. Я молча смотрел на их согнутые спины, наверно, они истинные мусульмане, если бросили все дела и кинулись совершать намаз. Но неужели их религия допускает похищение людей? И вообще, что дозволено совершать человеку во имя веры? Увы, история мировых религий полна кровавых страниц: Крестовые походы, костры инквизиции, борьба с раскольниками. А сколько войн происходило на земле из-за того, что мусульмане не хотели мирно жить рядом с христианами и наоборот! Неужели бог, которого почитают все верующие, мечтал именно о таком для своих детей?

Мулла пел, чеченцы молились. Внезапно на ум пришли абсолютно несвойственные мне мысли. Сейчас эти, с позволения сказать, правоверные отрешились от окружающего мира, что, если как следует пнуть их, выхватить у них оружие, пристрелить подонков и сбежать?

Желание расправиться с негодьями было настолько острым, что я шагнул было вперед, но тут же остановился.

Спокойно, Иван Павлович, откуда в тебе появился зверь? Да и не выйдет ничего хорошего из этой затеи. Даже если удастся отнять у чеченцев оружие, то воспользоваться им я не смогу, не умею стрелять. И куда нам бежать? Вокруг враждебно настроенные люди, ну выберемся мы с Мариной и Костей из этого двора, и что? Куда податься? Костя, похоже, практически не способен передвигаться, вон он сидит на холодной земле с совершенно безучастным видом. Наверное, похитители опоили его наркотиком или обкололи сильнодействующими транквилизаторами.

Нет, надо действовать иначе, мне одному не справиться с задачей вывода к своим слабого парня и женщины. Голос муллы обволакивал, бандиты исправно кланялись, стоя лицом к солнцу. Внезапно что-то показалось мне странным, некий диссонанс был в обстановке, царапнул душу...

Молитва оборвалась, негодяи резво встали, скатали коврики, и старший заявил:

– Хорошо. Будь по-твоему.

В ту же секунду молодой поднял руку, в его ладони блес-

нул странный пистолет, я, мигом сообразив, что нас опять собираются усыпить, быстро сел на мерзлую землю, ощутил, как холод пробирается под брюки, и, даже не почувствовав укола, лишился чувств.

* * *

В нос ударил резкий запах парфюмерии, глаза раскрылись, и я увидел кроваво-красную подушку в золотых разводах. Я сел и огляделся по сторонам. Богато убранная комната показалась мне знакомой, такое ощущение, что я уже видел эти стены, выкрашенные в нежно-розовый цвет, массивные кресла и диваны, картины в золоченых рамах, огромную плазменную панель... Взгляд упал на соседний диван, там лицом к спинке лежал Костя, его плечи мерно двигались, парень ровно дышал во сне.

Я вскочил на подламывающиеся ноги и в ту же секунду понял: мы в загородном новом особняке Араповой. Марина построила дом недавно, а въехав в него, закатила невероятное по размаху и пышности новоселье, созвала в поселок с идиллическим названием Аленушкино абсолютно всех знакомых, естественно, приглашение получили и Нора, и Nicolette, и ваш покорный слуга.

Помнится, оказавшись в огромной, стометровой гостиной, я был поражен безвкусной роскошью интерьера: повсюду золото, хрусталь, лепнина, стразы, парча, медальоны. Вот

уж не думал, что Арапова настолько лишена вкуса, хотя, скорей всего, обустройством особняка занимался дизайнер.

Но как мы с Костей оказались здесь? Я поднес руку к лицу и посмотрел на часы. Восемь! Похоже, вечера, потому что за окном начинает смеркаться. Обращали ли вы внимание на то, что утреннее солнце и закатное дают совершенно разный свет?

На одном из маленьких столиков с причудливо изогнутыми ножками зазвонил телефон. Плохо понимая, что делаю, я схватил трубку стилизованного под начало двадцатого века телефона.

– Алло, – нервно воскликнула Марина, – это кто?

– Я.

– Ваня?

– Да.

– Вы в «Аленушке»?

– Именно так.

– Где Костя?

– Спит на диване.

– Спит? – воскликнула Марина.

– Ну да, похоже, он еще не вышел из наркоза.

– Значит, все в порядке?

– В принципе, да.

– Ты уверен, что находишься в Аленушкине?

– Стопроцентно, интерьер гостиной невозможно спутать с другим, но я могу выйти на улицу и...

– Не надо, – оборвала меня Арапова, – раз вы дома, то все в порядке.

– Ты где? – растерялся я.

– Ваня, я не могу долго разговаривать, цель моего звонка – убедиться, что нас не обманули. Скоро встретимся.

Из трубки полетели гудки, я машинально взглянул на окошечко определителя номера, там высветился набор из нулей. Я быстро набрал самый знакомый номер.

– Эй, – заорала Нора, – говорите скорей, ну!

– Это я.

– Ваня!!!

– Да.

– Ты жив!!!

Замечательное уточнение, ясное дело, не мертв, раз воспользовался телефоном. Элеонора при всей своей логичности иногда отпускает странные реплики, но делать замечание хозяйке неприлично.

– Живее всех живых, – сообщил я.

– Ты не ранен!

– Нет, только тошнит немного, и голова кружится.

– Где Марина?

– Пока... э... в гостях.

Наверное, следует быть осторожным, вполне вероятно, что бандиты прослушивают разговоры с этого телефона.

– А Костя?

– Он тут, спит.

– Спит?!!

– Можно я объясню все чуть позднее?

– Да, – быстро согласилась Нора.

– Он проснется, и тогда я приеду, – заверил я хозяйку.

– Хорошо, – отозвалась она и бросила трубку.

Я потряс головой, вышел в коридор, нашел ванную комнату и, наплевав на все правила приличия, не спросив разрешения у хозяев, вымылся под душем. Сразу стало легче, правда, одежду пришлось надевать грязную, но все равно меня перестало подташнивать. Затем я обнаружил кухню и без зазрения совести порылся в шкафчиках, выпил кофе, съел крекер и ощутил себя заново рожденным.

Аккуратно ополоснув чашку, я решил покурить, вышел в прихожую, взялся за ручку двери и остановился. Право, нехорошо, я даже не подошел к Косте. Понятное дело, что парень погружен в сон, но все же следует проявить по отношению к нему заботу. И, кстати, вдруг юноша, пока я мылся и завтракал, очнулся? Надо хоть глянуть на Костю: вдруг ему срочно нужен врач?

Быстрым шагом я вернулся в гостиную и приблизился к дивану. Костя по-прежнему лежал на боку, лицом к спинке.

– Ты как? – тихо спросил я и тронул парня за плечо.

Неожиданно тело легко откинулось на спину. Я вскрикнул. Глаза юноши, не мигая, смотрели в потолок, рот был безвольно приоткрыт, в некогда красивом лице начисто отсутствовали признаки жизни. Костя был окончательно и бес-

поворотно мертв.

Глава 6

Очень осторожно, на цыпочках, я вышел из гостиной и стал подниматься по лестнице на второй этаж. Хорошо помню, как Марина, устроившая для своих гостей экскурсию по особняку, рассказывала:

– Я такая растеряха, сил нет! Ухитрюсь лишиться самых необходимых вещей, вечно запихиваю невесть куда зарядку для мобильного, поэтому сделала в библиотеке, ха-ха, стационарный пульт, воткнула в розетку сразу несколько аккумуляторов, теперь не останусь без связи.

Память меня не подвела, между помпезно-вычурными шкафами с резными дверками обнаружились шнуры, я воткнул один в свой умерший от голода телефон и живо соединился с Норой. Не знаю, как вы, а я испытываю огромную радость от того, что есть на свете человек, способный сказать: «Ваня, сиди тихо, жди, сейчас приедут мои люди и решат проблему».

Спустя час в особняке появился адвокат Элеоноры Михаил Юрьевич Беляев, а с ним двое мужчин в неброских костюмах. Пока его спутники осматривались в гостиной, Беляев, поднявшись со мной на второй этаж, пытался шутить, рассказывая абсолютно неуместные в данной ситуации анекдоты. Наконец один из незнакомцев поднялся в библиотеку.

– Дело ясное, – сухо сообщил он, – передозировка. Небось

парень – наркоман.

– Костя употреблял героин? – изумился я. – Ничего не слышал о его пагубном пристрастии!

– Так никто о своей дружбе со шприцем не кричит на каждом углу, – парировал «костюм».

– Иван Павлович, – бархатным, хорошо поставленным голосом завел Михаил Юрьевич, – разрешите напомнить вам обстоятельства, при которых, как нам стало ясно, разыгралась ужасная трагедия. Марина Арапова, хозяйка сего поместья, является доброй подругой Элеоноры, так?

Я вздрогнул, неужели Нора рассказала этому прощелыге, адвокату с весьма широкими понятиями о порядочности, о похищении?

– Так? – повторил Беляев.

– В принципе, да, – осторожно ответил я.

– Перед отъездом в командировку, – принялся сыпать округлыми фразами законник, – Марина приехала к Норе и попросила ту изредка звонить Косте. Арапова не очень доверяла отпрыску, хоть большой, да дурной! Верно?

– Я не посвящен в семейные проблемы Араповой, – осторожно ответил я.

– Да, конечно, вы всего лишь наемный служащий, – не упустил шанса поставить меня на место Беляев. – Элеонора ответственный человек, поэтому она выполнила пожелание подруги, беседовала с Костей пару раз, но потом парень перестал отвечать на звонки. Естественно, Нора обеспокои-

лась, велела вам поехать в поселок и лично посмотреть, что творится в доме, так?

Поняв, что задумала хозяйка, я достаточно твердо сказал:

– Совершенно справедливо.

– Дверь оказалась открытой!

– Да.

– Вы беспрепятственно вошли в особняк...

– Так.

– И обнаружили в гостиной труп.

Я вздрогнул, а Михаил Юрьевич ничтоже сумняшеся вещал дальше:

– Естественно, вы испугались, так как являетесь человеком, далеким от криминала, тихим, интеллигентным, поэтому позвонили Норе...

Я молча кивал, ожидая, чем завершится разговор.

– Значит, – заявил юрист, – сейчас я отвезу вас к Норе, вы придете в себя, выпьете капелек, поспите...

– А Костя?

– Он мертв, – напомнил Беляев.

– Но нельзя же оставить труп беспризорным!

– Что вы, Иван Павлович, – голосом воспитателя, общающегося с ребенком-олигофреном, продолжал адвокат, – Сеня вызовет милицию. Только все сделают без вас, ладненько? Вы вообще здесь не были, хорошо?

– А кто тогда нашел Костю?

– Сеня, – улыбнулся Михаил Юрьевич, – секьюрити по-

селка. К слову сказать, охрана тут никуда не годится. На въезде, правда, расположена будка со стражником и шлагбаум, но в Аленушкино можно попасть и, так сказать, с заднего хода, из леса в поселок ведут еще три не охраняемые никем дороги. Эй, приведите Сеню!

По лестнице загрохотали ботинки, и в библиотеке появился кражистый дядька в камуфляжной форме.

– Здравсте, – вежливо сказал он.

– А вот и Семен, – радостно воскликнул Михаил Юрьевич, – голубчик, ну-ка, расскажите Ивану Павловичу, как обстояло дело.

– Дык просто, – пожал могучими плечами секьюрити, – Марина Сергеевна очень просили: «Ты, Сеня, хоть иногда в дом заглядывай, я в командировку уезжаю, Аня в городе с домработницей, а Костя тут один, еще приведет друзей, пожар устроят». Ну я и пошел севодни, глянь – дверь отперта...

Беляев монотонно качал головой, Сеня достаточно уверенно излагал написанный для него текст. Интересно, какой гонорар выдали охраннику за исполнение спешно придуманной роли?

– Отлично, дружок, – кивнул Беляев, – мы сейчас потихоньку уедем по той дорожке, по которой незамеченными прибыли сюда, а вы спустя примерно часок вызывайте милицию, да будьте с ними откровенны. Марина Сергеевна не станет сердиться, она, наверное, скоро вернется из командировки, с ней уже пытаются связаться.

Семен кивнул, мы с Беляевым быстро вышли во двор, сели в темно-серую иномарку и на полной скорости отбыли в Москву.

По дороге мне стало плохо, может, сказалось действие сильного снотворного, или меня догнали последствия стресса, но в квартиру Норы подручные Беляева буквально втащили секретаря на руках. Еле-еле я сумел рассказать Норе о своих приключениях и свалился в кровать. Очень плохо помню дальнейшие события, очнулся только в понедельник, с сильным кашлем, насморком, температурой и головной болью. Скорей всего, сидя в чеченском дворе на мерзлой земле, я подцепил простуду.

Несколько дней я провалялся в кровати, пытаюсь читать книгу о цивилизации майя, но сил хватало лишь на пару страниц, потом глаза начинали закрываться, толстый том падал на одеяло, и я засыпал, да так крепко, словно проваливался в омут.

Силы вернулись внезапно, причем сразу. Утром я раскрыл глаза, сел и понял – я совершенно здоров.

* * *

– Очнулся, Ваня? – очень ласково осведомилась Нора, увидав, как я вхожу в кабинет.

– Да, уж извините, сам не пойму, как простудился, – начал извиняться я.

– Ерунда, – отмахнулась Нора, – с каждым может случиться. Говоришь, сидел на промерзшей земле?

– Верно.

– Холод стоял?

– Просто собачий, – закивал я, – продрог до костей.

Нора побарабанила пальцами по столу.

– Можешь детально припомнить события? Очень подробно, даже то, что думал в тот или иной момент.

– Попытаюсь, – не слишком уверенно ответил я, – только зачем? Кстати, как Марина? Вот ужас-то!

– Ты о чем? – еще больше нахмурилась хозяйка.

– Ведь Костя погиб.

– Ну, верно.

– Представляю, каково сейчас его матери, – вздохнул я, – она пережила такой стресс и... все зря. Отчего он скончался?

– Сердце не выдержало сильной дозы снотворного.

– Это правда?

Нора кивнула:

– Абсолютная, есть результат вскрытия, выяснилось, что у Константина с детства был порок сердца, он никак себя не проявлял, случается порой подобное. Но в той стрессовой ситуации, когда он оказался на грани жизни и смерти, «мотор» начал барахлить, окончательно добил парня укол, который сделали похитители. Думаю, ему дважды вводили наркотик, сначала – когда выкрали из Москвы, потом – когда возвратили. Даже на здоровом человеке тяжело отража-

ется употребление транквилизатора, вызывающего длительный, глубокий сон, а что уж говорить о Косте, имеющем порок сердца?

– Его убили!

– Случайно, – вздохнула Нора, – никто, даже мать, не знал о болезни сына. В медицинской карточке Кости есть лишь записи о легких простудах, мальчик в детстве не подхватил ни свинку, ни ветрянку, ни прочую хворь. Может, потому, что не ходил в садик? Не знаю. Но к кардиологу родители никогда не обращались и о болезни Кости, похоже, не подозревали.

– Такое возможно? – продолжал удивляться я.

Нора пожала плечами.

– Какой повод был у Марины для беспокойства? Мальчик не болел, не хотел, правда, заниматься спортом, но это же распространенное явление! Серьезного обследования не делали ни разу.

– Ну и ну!

Нора уставилась в окно.

– Я сама не слишком проверяла здоровье своей дочери и внучки. Вот если бы они постоянно хныкали, кашляли, чихали... А так! Растут и растут.

– И порок сердца может протекать скрыто?

Нора похлопала ладонью по толстой книжке.

– Здесь написано, что да. До, так сказать, некоего момента, который может и не настать. Ну, допустим, решила жен-

щина родить, тут-то дефект и обнаружился, или мужчине предстоит операция, проводят детальное обследование...

– Понятно, – кивнул я, – Марина подтвердила, что не знала о болезни сына?

Нора молча смотрела в окно.

– Да или нет? – настаивал я.

Хозяйка медленно повернула голову.

– Нет возможности получить ответ на этот вопрос.

– Почему?

– Арапова пропала.

– То есть? – оторопело спросил я.

– Она не вернулась домой.

– Ее убили!

– Не знаю.

– Убили! Там, в Чечне! Боже мой! Косте специально вкололи слишком большую дозу лекарства, усыпили бдительность Марины, а потом, узнав у нее пин-код и пароль, застрелили бедняжку, сволочи! Чеченцы!

– Подожди, Ваня, – тихо сказала Нора, – тут много неясных деталей.

– Каких? – в запале заорал я. – Ситуация прозрачна, как слеза. Марину заманили невесть куда, усыпили ее бдительность тем, что отпустили Костю. А сами ввели парню слишком большую дозу наркотика. Это я виноват, я!!!

– В чем? – прошелестела Нора.

– Марина позвонила домой и спросила: «Как Костя?», а я

ответил: «Он еще спит». Нет бы подойти к дивану и проверить, что с юношей! Успокоенная мать сообщила похитителям пин-код и пароль и была убита, бандиты знали, что Костя тоже погиб, никаких следов нет, их не смогут найти.

– Но тебя оставили в живых, – напомнила Нора.

– Верно, исключительно для того, чтобы я сказал Марине: «Костя в доме, мы вернулись», иначе бы она не сообщила им ничего! – теряя остатки самообладания, завопил я. – Ну неужели не понятно?!

Элеонора вытащила свое любимое курево: омерзительно воняющие папиросы, пачку с изображением всадника в бурке. Где хозяйка достает сей раритет, для меня остается до сих пор секретом.

– Ваня, – осторожно сказала Нора, – у меня есть кое-какие собственные размышления... Но сейчас, очень прошу тебя, подробно изложи события, напрягись и вспомни мельчайшие детали.

Я глубоко вздохнул и подчинился.

– В начале дороги Марина молчала, мы разговорились позднее...

* * *

Я увлекаюсь разной литературой и как-то прочел книгу по психоанализу. Так вот, считается, что, высказав вслух свои переживания, человек как бы очищается от них, изживает

стресс. Но я, наверное, не принадлежу к основному большинству человечества, потому что никакого облегчения «пережевывание» поездки в Чечню мне не доставило.

– Понятно... – протянула Нора, когда я закончил рассказ, – вернее, совсем непонятно.

– Я что, коряво доложил? – насторожился я. – Надо повторить?

Нора скомкала пустую пачку из-под папирос.

– Нет, имеются другие неясности, ты как раз оказался предельно точен. Хорошо, давай начнем с той детали, которая сразу поразила меня и царапнула, похоже, и тебя. Только ты споткнулся о камушек и пошел дальше, а я остановилась.

– Вы о чем? – не понял я.

– Вспомни ситуацию с молитвой.

– Хорошо.

– Ну-ка, повтори! – потребовала Элеонора.

– Запел мулла, где-то рядом находилась мечеть.

– Вероятно.

– Бандиты раскатали коврики, повернулись лицом к солнцу и начали совершать намаз.

– Вот!

– Что?

– Тебя же сия ситуация как-то напрягла.

– Ну... да.

– Почему?

– Не могу определить, просто возникло странное ощущение.

ние некоего неправдоподобия.

– Ваня, какое время суток было?

– Вечер, смеркалось, солнце уходило за горизонт.

– Откуда ты знаешь, что вечерело? Может, наоборот, наступало утро? – прищурилась Нора.

– Ну, во-первых, свет у солнца на рассвете иной, – начал пояснять я, – а во-вторых, в доме, во дворе которого все и происходило, на подоконнике стоял приемник, оттуда лилась тихая музыка, кажется, Моцарт, волшебные звуки, на их фоне то, что разыгрывалось во дворе, наше стояние на коленях и, как апофеоз, целование грязных кроссовок, выглядело инфернально, напоминало дурной спектакль. Потом голос диктора сказал: «Московское время двадцать часов». Следовательно, был вечер.

– А затем?

– Радио стихло, и послышалась молитва.

– И чеченцы упали лицом к солнцу?

– Да.

– Ваня!!!

– Что?

– Лицом к солнцу?!! Они стали молиться на закат?

– Никак не пойму, отчего вы столь упорно обыгрываете эту ситуацию.

– Она ключ к разгадке, – неожиданно заорала Нора, – а ты тупой! Мусульмане молятся только лицом на восток! Это вбито в них с детства! Никак иначе! Понял?

– Естественно, знаю об этом, читал много книг об истории различных религий.

– Ваня! Солнце садится на западе!

– Так вот что меня удивило!!! Но я тогда сам не понял, что именно!

– Верно, – кивнула Нора, – теперь еще одна деталька, ты не обратил на нее внимания, а я сразу сделала стойку! Мерзлая земля!

– И что?

– В апреле?

– Конечно, по календарю весна, но на дворе холод, да и вообще, вспомните, на майские праздники у нас всегда чуть ли не снег идет!

– У нас! В Москве!!! – гаркнула Нора. – Но не в Чечне! Впрочем, сейчас мы легко проверим мои предположения!

Не успел я охнуть, как хозяйка схватила мобильный, потыкала в кнопки и приказала:

– Сообщите погоду в Чечне! Она у них в каждом городе своя? Насколько отличается? Пара градусов? Давайте Грозный неделю назад! Пишу, ага, плюс пятнадцать-шестнадцать ночью, плюс двадцать два днем, без осадков.

– Без осадков, – ошалело произнес я, вспоминая, как мелкая колкая крупа сыпалась с неба, потом, правда, ветер разогнал черные тучи, засияло закатное солнце...

– Какая мерзлая земля? – рубанула Нора. – Даже ночью в Чечне совсем тепло.

– Но, может, в горных районах холодно? – зачем-то ляпнул я.

Нора скривилась.

– Ваше время в пути составило два дня, надо полагать, что вас везли на машине. На поезде, а тем паче на самолете практически невозможно беспрепятственно провезти мужчину и женщину в бессознательном состоянии. Ты здоровенная оглобля, это сколько же потребуется сопровождающих? И потом, оцени картину: в салон лайнера группа замотанных в черное чеченцев вносит носилки, на которых спят два человека ярко выраженной европейской внешности. Значит, вас везли на машине, кружными дорогами. Да за два дня до Грозного добраться проблематично, все же Москву и столицу Чечни разделяет почти две тысячи километров. И потом, эти якобы чеченцы слишком часто не к месту поминали имя Аллаха, говорили о святой борьбе. Очень странно вел себя и человек, звонивший Марине, я сначала пребывала в шоке, но потом, когда вы уехали, стала обдумывать ситуацию и поняла: дело нечисто, похитители обычно действуют по-иному. Все странно и неправильно. Знаешь, о чем это свидетельствует?

Я помотал головой:

– Нет.

– Не было Чечни, все вранье. Чеченского следа в этой истории нет, есть хитрая крыса, поставившая спектакль. Думаю, вас дальше Подмосковья не отправляли, просто усыпи-

ли, потом внушили, что привезли в окрестности Грозного. И еще, Марина, вполне вероятно, жива, она ранена или просто оставлена умирать с голоду в хорошо запертом подвале. Впрочем, я не исключаю...

– Мы должны найти Арапову, – закричал я, – и мерзавца, режиссера спектакля!

– Вот об этом я и веду речь, – кивнула Нора, – слушай, Ваня, есть план.

Глава 7

Обговорив с Норой кучу проблем и поняв, что решительные действия раньше утра не начать, я вышел из кабинета и в глубокой задумчивости встал посреди коридора. Спать не хотелось категорически, читать тоже. Может, выпить чаю?

И тут прозвучал звонок в дверь, я вздрогнул, как человек, на которого внезапно напала змея. Кто может прийти в столь поздний час? Из кабинета Норы слышался ровный голос диктора, хозяйка смотрела программу «Время».

Неожиданно меня охватила злость: что, я теперь так и буду жить в страхе? Шарахаться от любого звонка в дверь или от телефонного, от каждого шороха? Ну уж нет!

Твердым шагом я приблизился к экрану домофона, полный решимости не заорать от ужаса при виде фигур, замотанных в черные тряпки. Но вместо них я увидел милую детскую мордашку – на площадке стояла дочь наших соседей, семилетняя Люсенька.

Обрадованный донельзя, я толкнул тяжелую, прикрытую деревянной панелью стальную дверь и очень ласково сказал: – Добрый вечер, мой ангел, отчего вы не спите в столь поздний час?

Люсенька подняла огромные голубые глаза.

– Что вы, Иван Павлович, – мелодично ответила она, – я ведь уже школьница, а не крохотная детсадовка.

Я улыбнулся еще шире. Люсенька воспитанная девочка, она очень хорошо знает, что со словом «дядя» следует обращаться лишь к близкому родственнику: к брату мамы или папы, всех остальных мужчин, даже добрых знакомых, надо величать по имени и отчеству.

– Вам так много задают на дом? – вступил я в разговор. – Неужели до сих пор над арифметикой мучаетесь?

Люсенька протяжно вздохнула:

– Не могли бы вы мне помочь?

– С огромным удовольствием, мой ангел, если вы испытываете трудности с упражнениями по русскому языку или истории. Во всех остальных предметах, увы, я полнейший и окончательный профан.

– Нет, Иван Павлович, – зачирикала Люсенька, – речь идет о черепашке. Вы любите животных?

– Конечно, дружок, своих, правда, не имею, но к чужим отношусь с лаской. А в чем проблема?

Люсенька подняла ручонку и показала зажатую в кулачке небольшую черную коробочку, от которой отходила пластиковая трубочка.

– Это фильтр.

Я ничего не понял, и Люсенька продолжала:

– Моя черепашка живет в воде.

– Надо же! Я полагал, они только по песку бегают.

– Нет, нет, – засмеялась Люсенька, – встречаются и другие виды, а чтобы вода была чистой, в аквариум ставят фильтр.

– Ага, понятно.

– Старый фильтр еще утром сломался, а новый я никак не могу прикрепить. Видите, тут такие выступы, их нужно зацепить за крепление, а оно внизу аквариума, у меня рука не достает.

– Господи, дружок, такая малость!

– Вы поможете?

– Ну конечно, – кивнул я и пошел в квартиру к Люсеньке.

Оказавшись в просторной гостиной, оклеенной розовыми обоями и заставленной бесчисленными креслами, я повернулся к крохотной хозяйке.

– И где аквариум?

– Там, на подставке.

Я проследил взглядом за тоненьким пальчиком и увидел в углу здоровенный стеклянный ящик, украшенный сверху множеством ламп. Дно обители черепашки закрывала мелкая галька, на ней лежало несколько крупных камней, настоящие булыжники.

– Вот сюда надо его прилепить, – сообщила Люсенька, указывая на черные резиновые кнопочки почти у самого дна, – только руку придется в воду засунуть. Вы не боитесь?

– Прохладной воды? Нет, солнышко.

– Черепашку, – поправила меня Люся, – не страшно, что она в аквариуме?

Я засмеялся.

– Опасаться Тортилы? Ну что она может со мной сделать?

Люсенька деликатно улыбнулась.

– Кстати, где само животное? – удивился я.

– В грунт зарылась, – пояснила девочка, – она любит прятаться.

Я взял фильтр, повертел его в руках и понял, что дело выеденного яйца не стоит, коробочку можно очень легко прицепить на резиновые шишечки.

– Видите, какая вода грязная, – грустно произнесла Люсенька, – весь день папу жду, а он все не идет, занят на работе. Че может погибнуть, если фильтр не включить.

– Че?

– Ну да, черепашка, ее зовут Че Гевара, папа такое имя ей придумал.

Я подавил усмешку. Однако Евгений, отец очаровательной Люсеньки, настоящий остряк. Окрестить милую, крохотную, зарывающуюся от страха перед действительностью в гальку черепашку именем пламенного революционера, соратника Фиделя Кастро, нестигаемого Че, погибшего, кажется, в Боливии в тот момент, когда там вот-вот должно было вспыхнуть руководимое им восстание! Впрочем, у одного из приятелей Норы по даче носится волкодав, чей рост и вес чуть меньше, чем у меня. Догадайтесь, как его подзывают хозяева. Они кричат: «Ежик, ежик!» Дело в том, что бизнесмен и его жена обожают мультфильм «Ежик в тумане» и называли монстра в честь главного героя ленты. Представляете, как отпадают челюсти у людей, когда после вопля: «Ежик!»

– начинает трястись земля и появляется стокилограммовый кобель, по счастью, не утыканный со всех сторон иглами.

Я засучил рукав рубашки.

– Ты знаешь, кто такой Че Гевара?

Люсенька шмыгнула носом.

– Актер.

Я начал медленно погружать длань в воду, продолжая мирно беседовать с девочкой.

– Актер? Но почему ты так решила?

– Папа сказал, что Че – это вроде Терминатора, – пояснила она.

Я вздохнул, может, милейший, торгующий рыбными консервами Евгений Васильевич перепутал пламенного революционера с Джеки Чаном или Чаком Норрисом? В инициалах этих голливудских звезд тоже присутствует буква «ч».

Я уже хотел озвучить сие предположение, как произошло нечто удивительное.

Мелкая галька, ровным слоем покрывавшая дно огромного аквариума, зашевелилась.

– Че просыпается, – пояснила Люсенька, – наверное, есть хочет. Вы, Иван Павлович, поскорей фильтр вешайте, а то пальцев лишитесь.

Я улыбнулся: наивная Люсенька считает свою милую крошку крокодилом.

Камушки разошлись в разные стороны, появилась крохотная голова, потом потянулась шея, шея, шея... следом

всплыло тело размером с хорошее блюдо для торта. Я, изумленный до крайности размером «малютки», охнул и решил как можно быстрее справиться с поставленной задачей. Пальцы нащупали шпеньки. Че глянула на меня маленькими, очень злыми глазенками и разинула пасть.

Отчего-то испугавшись, я мгновенно насадил фильтр на нужное место.

– Там есть колесико, – шепнула Люсенька, – поверните его легонечко.

Я машинально послушался и потом выдернул руку, отчего-то захотелось перекреститься, черепашка выглядела зловеще, никаких добрых чувств она не вызывала.

Из отверстия сбоку фильтра ударила сильная струя воды, в тот же миг в аквариуме поднялось цунами. Камни-булыжники дрогнули, вихрь подхватил Че и припечатал ее к стенке ящика. Меня пробрал озноб. Черепаха выглядела отвратительно, лапы ее походили на крокодильи, из них торчали острые заточенные когти.

– Ой, – заломила крохотные ручки Люсенька, – вы включили слишком сильный режим! Так нельзя, Че не может двигаться! Иван Павлович, поверните колесико в другую сторону.

– Мне надо сунуть руку в аквариум?

– Да.

– Нельзя ли изменить работу фильтра... э... снаружи?

– Нет, сила воздуха регулируется только колесиком. Вы

боитесь Че? – уточнила Люсенька.

– Ни на секунду, деточка, – я решил не терять лица перед семилетним ребенком, – просто подумал, что, наверное, черепашка нервничает, чувствуя близость человека, не стоит причинять... э... милому животному неудобства!

– Ей это по фигу, – воскликнула Люсенька, – знаете, откуда у нас Че?

– Нет, мое солнышко, – ответил я, с опасением глядя на злобную тупорылую морду монстра.

– Папа рыбой торгует, слышали?

– Да, я в курсе, пару раз Евгений Васильевич угощал нас с Элеонорой восхитительными консервами.

– Папуля по всему свету ездит, – принялась просвещать меня Люсенька, – один раз, в Полинезии, рыбаки при нем сеть вытягивали, а в ней Че обнаружилась, совсем крохотная. Папусе черепашка понравилась, он ее в Москву привез и аквариум купил. Представляете, никто не знает, какого она вида! Папа ученых приглашал, этих, черепашологов, и от них ответа не добился, кто такая Че. Мы даже не в курсе, мальчик она или девочка. Вообще, странная! В воде живет, но и по суше бегают, да так быстро! Не поймать. Ест одно мясо, прямо как тигр. Хряп-хряп-хряп.

– Но, похоже, зубов у нее нет, – с сомнением протянул я, оглядывая прилипшее к прозрачной стенке «блюдо».

– Не знаю, – вздохнула Люсенька, – я к ней в пасть не заглядывала и, честно говоря, совершенно не хочу этого де-

лать, но чем-то она жует! Мясо-то внутрь Че проваливается. А еще Рыжик испарился! Лара, когда увольнялась, призналась: его Че схомякала! Лариса ее упустила, стала аквариум мыть, посадила черепашечку в кастрюльку, а та оттуда удрапала и Рыжего схарчила!

– Рыжего?

– Да, кота.

Я отступил от аквариума.

– Черепаха сожрала кота?

– Ага, – меланхолично кивнула Люсенька, – целиком, да же когтей с зубами не выплюнула. У нас из-за нее вся прислуга удрала, и Лара, и шофер.

– Почему? – робко поинтересовался я.

– Водитель Че в сачок ловил, грунт ей в аквариуме менять надо, – бесхитростно сказала Люсенька, – а черепашка изловчилась и палец ему – ам!

– Откусила?!

– Почти, правда, потом пришить сумели. А к Ларе она на подушку ночью залезла. Как из аквариума выбралась – никто не понял. Лариса так заорала! Полдома прибежало узнать, чего у нас стряслось. Потом домработница уволилась, папа аквариум повыше поставил, теперь новую прислугу ищет. Вы, Иван Павлович, поверните колесико, а я Че пока рыбой отвлеку.

С этими словами Люсенька открыла пластиковую банку, вытащила оттуда самую настоящую воблу и сунула ее в воду

со словами:

– Чешенька, видишь вкусное?

Огромная пасть раззявилась, здоровенная рыба провалилась внутрь Че в одно мгновение.

Я поежился, мне совершенно не хотелось возиться с прибором, который расположен в опасной близости от неуправляемого прожорливого чудища, но альтернативы нет. Ну не расписываться же в присутствии ребенка в собственной трусости?

Очень осторожно я сунул руку в бурлящую воду.

– Направо вертите, – подсказала Люсенька, – только не налево.

В этот момент Че обернулась, ее шея изогнулась, вытянулась...

Покрывшись липким потом, я шарил пальцами по пластмассовой коробке. Ну где же сие чертово колесико? Черепаха пошевелила лапами, разинула пасть, и тут я наконец-то наткнулся на круглый выступ.

– Направо! – воскликнула Люсенька.

Я крутанул ребристый ободок, и из фильтра рванул такой фонтан воды, что Че приподняло на струе.

– Мама, – заорала Люсенька, – направо! А не налево! Вы включили экстремальный режим! Иван Павлович, дергайте назад колесо.

Я, мокрый и испуганный, вновь попытался обнаружить регулятор мощности. Но не тут-то было, в аквариуме нача-

лась настоящая буря, камни и грунт швыряло из стороны в сторону, гребень воды начал подниматься, подниматься, подниматься... Я выдернул руку и замер: над аквариумом, на водяном столбе покачивалась отчаянно злая Че. Впрочем, черепаху можно было понять, спала себе тихонько, притаившись в камушках, а тут откуда ни возьмись появился неизвестный двуногий и устроил парад цунами.

– Ой, блин, – заверещала Люсенька, – ну и крутая фенька! Ща!

Быстрым движением девочка выдернула из сети вилку длинного «Пилота». Вода, всхлипнув, обвалилась в аквариум, фильтр, лишенный питания, остановился.

Я рухнул в кресло, а Люсенька вдруг закричала:

– Че!

– Что случилось с твоей черепашкой? – осведомился я. – Она, надеюсь, не ушиблась о камни?

– Че нету в аквариуме, – простонала Люсенька, – когда я вырубила электричество, волна вышвырнула ее в гостиную!

Я вздрогнул и судорожно огляделся по сторонам.

– Ой, Иван Павлович, – заплакала Люсенька, – ой, ой, ой!

– Не рыдайте, мой ангел, – попытался я утешить ребенка, – сами же говорили, что черепашка бойко передвигается по суше, она не погибнет.

– Да-а-а!

– Вы согласны?

– Да-а-а-а!

– Тогда почему разводите сырость?

Люсенька прижала к хорошеньким глазкам кулачки и стала сбивчиво говорить. В конце концов я понял суть дела. Черепашка принадлежит Евгению Васильевичу. Отец строго-настрого запрещает дочери общаться с опасным существом, максимум, что разрешено делать Люсеньке, – это швырнуть в воду сушеную рыбину или кусок парной телятины. Фильтр сломался сегодня утром, Люся позвонила отцу на работу, и тот сказал:

– В кабинете есть упаковка с новым фильтром, но сама не смей приближаться к аквариуму.

Люсенька очень послушная девочка, а Евгений Васильевич скор на расправу, он способен крепко наказать дочь. Она, естественно, не решилась сама навести порядок в жилище Че, но испугалась, что отсутствие фильтра повредит черепашке, и поэтому на помощь призвала меня.

– Папа-а-а убьет меня, – стонала Люся.

– Вы преувеличиваете, – попытался я успокоить девочку, – ну поругает слегка.

– Не-е-ет! Отни-и-име-е-ет компьютер! Иван Павлович! Помогите!

– Что на этот раз?

– Поймайте Че!!!

Я замялся. Рыскать по чужой квартире в поисках кроважного существа с дурным характером? Люсенька сообразила, что сосед, оценив перспективу быть укушенным, не ис-

пытывает никакого восторга, и заголосила:

– Ой-ой-ой-а-а-а-а!

Я отношусь к категории мужчин, которые не способны смотреть на женские слезы, а уж вид плачущего ребенка окончательно вышибает меня из седла.

– Успокойтесь, душенька, – сказал я, – рыданиями делу не поможешь. Лучше скажите, вы обратили внимание, в какую сторону побежала Че?

– В коридор, – всхлипнула Люся.

– Ну и отлично! – фальшиво бодро воскликнул я. – Эка беда. Чем ее ловят?

– Сачком. Вон они, в углу, целых пять штук.

– Прекрасно, берем два, и вперед, – сказал я.

Глава 8

Вооружившись сачками, мы с Люсенькой потопали по бесконечному коридору, все выходящие в него двери оказались плотно закрытыми. Щелей между низом створки и полом практически не имелось, вернее, некое пространство просматривалось, но оно было ничтожно мало, в него Че не могла юркнуть ни при каких обстоятельствах. Люся зажгла в коридоре все лампы, и мы тщательно осмотрели белый пол. Мелкие пятна воды без слов сообщили, куда направила стопы черепаха: в единственную комнату, дверь которой оказалась открытой, – спальню Юли, мамы Люсеньки.

– И куда она забилась? – поинтересовался я, оглядывая опочивальню, обставленную с варварским великолепием.

Белая мебель, чудовищные, покрытые золотом ангелочки, поддерживающие ложе, тумбочка, украшенная лампой в виде придворной дамы восемнадцатого века, шелковый ковер ручной работы и невероятного размера шкаф, на дверцах которого художник изобразил сцены жизни счастливых пейзажей.

– Под кровать гляньте, – шепотом предложила Люся, – если Че там, постучите кулаком по полу, она с другой стороны выскочит, а там я с сачком!

– Никого нет.

– Может, она за тумбочкой?

– Нет.

– Или под окном, за занавесками!

– Пусто.

– Она точно здесь, вон на ковре мокрые пятна, – задумчиво сказала девочка.

– Люсенька, ты где? – раздался вдали веселый голос.

– Ой, – побледнел ребенок, – мама! Иван Павлович, скорей залезайте в шкаф.

– Зачем? – стал упираться я. – Право, это глупо.

– Мне влетит за черепашку, – застонала Люся, – мама на секунду забежала, наверное, мобильный забыла, ну плиз.

Только временным помрачением рассудка можно объяснить то, что я сделал. Подталкиваемый остреньким кулачком девочки, я влез в набитый сильно надушенной одеждой гардероб и, ощущая себя героем глупого анекдота, затаился за вешалками.

– Мамочка, – завопила Люся, успевшая убежать из спальни, – я в детской, читаю книжку по школьной программе.

– Молодец, – одобрила Юля, входя в свою комнату.

– Ты мобильный опять забыла? – спросила Люся.

– Да, вот он, на тумбочке.

– Сейчас уходишь?

Юля не ответила дочери.

Я прикинул глазом к неплотно закрытой дверце гардероба и увидел, чем занимается хозяйка. Она взяла телефон, набрала номер и проворковала:

– Женюся, ты когда домой вернешься? Как – в команди-

ровку уехал? Куда? В Мурманск? Уже в поезде? Ну котик! Почему меня не предупредил? Я? Не отвечала? Ах, да, мне в парикмахерской мыли голову, вот я и не услышала! Опять без тебя! Ужасно! Возвращайся скорей, мой зайчик, я буду страшно скучать, чмок, чмок, чмок!

Пообщавшись с любимым супругом, Юлечка посмотрела в большое зеркало, окаймленное вычурной рамой, показала себе язык и снова схватила трубку.

– Котик, – нежно просюсюкала она, – мой козел, слава тебе господи, отбыл в Мурманск! Лети сюда, устроим бедламчик. Люська? Ну, это легко решается, как два пальца об асфальт.

Я вздрогнул. Однако! Евгений поехал по делам, а коварная женушка зовет любовника.

Юлечка тем временем продолжала терзать телефон.

– Лидия Семеновна, – сладким, словно осенний мед, голосом завела она, – Женечка умчался в Мурманск. Ой, и не говорите, сто раз пыталась втолковать ему: любимый, нам денег хватит, уймись! Нет, весь в родителей пошел, истинный трудоголик, хотя в вашей семье и не мог вырасти лентяй и болван. Лидочка Семеновна, можно Люсеньку к вам ночевать отправить? Пока Женечки нет, решила коридор полачить, скоро мастера придут. А что им ночь, им лишь бы заплатили! Да, вы правы, теперешние времена не прежние, люди совсем стыд потеряли, за звонкую монету на все согласны. Так она прибежит?

Юля положила мобильный на столик, потом прошипела сквозь зубы:

– Старая жаба, ну надоела, Макаренка фигова. Люська!

– Да, мамуся? – мигом материализовалась на пороге дочь.

– Пойдешь ночевать к бабушке?

– Ура!!!

– Тогда спускайся на второй этаж, да не захлопывай нашу дверь.

– Почему?

– По кочану! – рявкнула маменька.

Люся, на радостях забывшая про меня, убежала, а Юлечка проворно выскочила из одежды и, упав на кровать, замерла в картинной позе, она сильно выгнула талию, выпятила явно силиконовую грудь и занавесила мордашку красиво выющимися прядями. Я замер в гардеробе, понимая, что влип в крайне неприятную ситуацию, никакой возможности выскользнуть незамеченным из шкафа нет.

– Котенок! – взвыла Юля. – Я сгораю от нетерпения!

Я снова приник к щелке. В спальню, скабрёзно улыбаясь, вошел Серега Мамонов, сосед с первого этажа. Оставалось лишь удивляться ловкости дамы. Свекровь и любовник находятся в непосредственной близости от нее, все удобнее некуда.

– Киска, – протянул Серега, бросая на пол халат.

– Зайчик!

– Мурзик!!!

Я деликатно зарылся в одуряюще воняющую французской парфюмерией одежду. Кровать заскрипела, послышались охи, ахи, вздохи, сами понимаете размер дискомфорта, испытываемого вашим покорным слугой.

Вдруг какофония звуков стихла.

– Ты слышишь? – шепотом спросила Юля.

– Что? – тихо ответил Серега.

– Входная дверь скрипнула.

– Не.

– Живо лезь в шкаф.

– Ты че, ваще?

– Скорей! Ой, идет!

В шкаф ворвался свет, и вместе с ним внутрь влетел голый Серега.

– Осторожней, – бормотнул я, – раздавишь.

– Вау, ты кто? – сдавленным голосом спросил сосед, касаясь меня потным боком.

– Иван Павлович Подушкин, или не узнал?

– Ты че тут делаешь? – зашипел Серега.

– Черепаху ловлю, – абсолютно честно сказал я.

– Ну Юлька, – начал возмущаться Мамонов.

– Тише, – шикнул я, – смотри.

Перестав разговаривать, мы приникли к щелке, а в спальне Юли в это время разыгралась трагедия.

– Где он? – орал Евгений, размахивая каким-то железным предметом, похожим то ли на зонтик, то ли на чугунную

скалку.

– Кто? – пискнула Юля, прикрываясь кружевным пенюаром. – Милый, ты же в Мурманск уехал!

– Хрен тебе, а не командировка, – завопил обманутый муж, – где хахаль, а? Куда спрятала?

– Ты о ком?

– Молчать! Я знаю все! Специально тебе про поездку со-
врал! Ишь, разлеглась, резиновые клизмы выставила! Кто за
твои сиськи платил, а? Стерва!

– Любимый...

– Заткнись!

– Родной...

– Пасть захлопни!

– Обожаемый!

– Хорош жопой вертеть, – взвизгнул Евгений, – он в шка-
фу небось сидит. Говори, сука, правду, а то убью.

– Да, да, – залепетала Юля, – там Сережа Мамонов. Но мы
ничего не делали, просто телик смотрели.

– Урою на... – взвыл Евгений и дернул дверцу.

Серега, услышав гневный вопль рогоносца, быстро пополз
в глубь необъятного шифоньера, а я оказался менее прыток.

Дверь растворилась, я растерянно улыбнулся.

– Добрый вечер.

– Мама! – заорала Юля. – Там человек!

В ее крике было столько удивления, что Евгений неожида-
нно мирно сказал:

– Да замолчи, сам вижу! Ты кто?

– Ваш сосед Иван Павлович Подушкин.

Женя повернулся к жене.

– Вроде о Мамонове речь шла!

– Я глупо пошутила, – выдавила из себя Юля, – сострила неудачно... А тут этот! Откуда он взялся?

– Да, ты че тут делаешь? – очнулся Евгений.

– Черепаху ловлю.

– Кого? – в один голос воскликнули супруги.

– Вашу Че, – затараторил я, – вы только выслушайте меня.

– Мамуся, я за Барби вернулась, – закричала, вбегая в спальню, Люся. – Ой, Иван Павло-о-ович! Вы же обеща-а-али молчать!

– Что у нас происходит? – окончательно вышел из себя Евгений.

– Люсенька, – заискивающе попросил я, – ты уж сама папе во всем признайся, видишь, какая у нас с тобой глупость получилась.

Девочка, шмыгая носом, ввела отца и мать в курс дела, спустя десять минут Женя захохотал.

– Ну и ну, теперь все ищем Че. Юля, Ваня, шарьте под кроватью, я в шкафу.

– Нет, – заорали мы с неверной женой, – туда ей не влезть.

– Ваша правда, – задумчиво протянул Женя, – лучше тумбочку отодвину, ну-ка, доча, сними лампу.

Закипела работа, Люсенька подняла фарфоровую даму,

Женя, сопя от напряжения, начал перемещать мебель, мы с Юлей полезли под кровать.

– Где Сережа? – тихо спросила Мессалина местного разлива.

– В шкафу сидит, надеюсь, ему не придет в голову чихнуть, – отозвался я.

– Что делать?

– Постарайтесь увести всех из комнаты.

– Как?

– Папа, – взвизгнула Люся, – вон она, по занавеске ползет! Мы с Юлей, сильно стукнувшись лбами, выскочили из-под ортопедического матраса.

– Всем стоять смирно, – приказал Евгений и схватил сачок, – молчите.

– Апчхи, – донеслось из гардероба, мы с Юлей в ужасе переглянулись.

– Иван Павлович, прекрати! – рявкнул не разобранный в ситуации хозяин.

– Простите, – промямлил я.

– Апчхи!

– Чтоб тебя разорвало, чихаешь в самый ненужный момент, – прошипел Женя и шарахнул сачком по черепаше.

То ли он плохо прицелился, то ли мерзкую Че заставило дернуться в недобрый час чихание одуревшего от парфюма Сергея, не знаю, только черепашница не попала в сетку, она юркнула за занавеску. С воплем: «Банзай!» – Евгений отдер-

нул штору и на секунду замер, мой рот открылся. Че, ловко перебирая лапами, безо всякого усилия шла по стеклу вверх к широко открытой форточке. Она передвигалась столь легко, что, казалось, ее конечности заканчиваются не когтями, а мощными присосками.

Евгений первым стряхнул оцепенение и схватил сачок. Хрясь, хрясь, хрясь... Че уверенно ускользала от сетки.

– Ну, зараза, погоди, – обозлился хозяин и опустил сачок аккурат перед мордой чудища.

Милая черепашка спокойно разинула пасть и легким движением челюсти перекусила палку диаметром сантиметров пять, не меньше. В руках Евгения остался длинный огрызок, кольцо с сеткой шлепнулось на пол. Че юрко протиснулась в форточку и, растопырив лапы, полетела вниз. Мы все, не сговариваясь, ринулись к окну. Увиденное зрелище повергло меня в ступор.

– Блин! – заголосил Женя. – Она умеет летать! Чем машет-то?

– Лапами, – сдавленно пояснила Юля, – во приколы, у ней между пальцами перепонки раздулись, да какие большие, ими она и шарашит. Жень, ты уверен, что ЭТО черепаха?

– Не, – сказал обалдевший муж, – я вообще в непонятках!

– Че разобьется, – зарыдала Люсенька.

– Во, – комментировала увиденное Юля, – она на асфальт приземлилась, ну и дает! Понеслась вперед, вау!

– Чего там? – перестав лить слезы, осведомилась Люсень-

ка.

– Черепаха в подвал шмыгнула, через окошко, папа заплатит дворнику, и тот поймает Че, – стала утешать девочку мать.

– Уж и не знаю, нужна ли она нам, – с сомнением протянул Евгений, – только год тут живет, и с каждым месяцем новенькое про нее узнаю: то, оказывается, она на суше великолепно ориентируется, то сама из аквариума выбраться может, а теперь – пожалуйста, летает.

– Вдруг Че птица? – предположила Люся. – Нам в школе рассказывали, есть такие особи, они в воде, допустим, рождаются и вырастают, а потом на землю выходят. И ваще, с виду прямо сахарная, а внутри противная.

– Ага, – кивнула Юля, – знаю я одну похожую, в нашем доме живет!

– Ты о ком, мамуля? – заинтересовалась бесхитростная девочка.

– Да так, – опомнилась Юля, некстати вспомнившая про свекровь.

Сочтя момент подходящим, я кашлянул:

– Мне пора.

– Спасибо, Ваня, – поблагодарил Евгений, – ты уж извини Люську.

– Ерунда.

– Я ее накажу.

– Не надо.

– Компьютер отниму.

– Право, не стоит.

– В дурацкое положение тебя поставила, – не унимался хозяин.

– Хорошо, что все разъяснилось и вы более не подозреваете меня в желании соблазнить Юлю, – улыбнулся я.

– Ой, да вы уже немолодой для такого дела, – схватила осмелевшая хозяйка.

Евгений засмеялся.

– Да это все мама моя, вечно ей дурь мерещится, решила, что к Юльке мужик шляется, ну мы и придумали проверить, так ли это, я про Мурманск соврал...

Юля сжала кулаки и прикусила нижнюю губу, а Женя как ни в чем не бывало продолжал:

– Не успел я поговорить с Юлей, как та маме Люську спланировала, ну и...

– Я чиста, как слеза младенца! – взвизгнула наглая изменщица.

Воображение мигом нарисовало картину: толстенький малыш размазывает по пухлым щекам комья сажи, из глаз крошки льются черные слезы, при взгляде на которые сразу можно определить степень «чистоты» Юли.

– Но, увидев тебя, Ваня, я тут же понял: волноваться не о чем! – закончил Женя.

Мне отчего-то стало обидно.

– Почему?

Женя потер короткопалые ладошки.

– Ну... всему дому известно, что ты не по бабам, типа, импотент или голубой, мне, Вань, без разницы. Я не из тех, кто пидоров расстрелять хочет, даже руку тебе подам спокойно и чаем угощу. И потом, ты одетый в шкафу стоял! Ха-ха! Юлька голая, а мужик при всем параде, ведь мог бы к соседке и в халате шмыгнуть! Кстати, а это чей прикид?

Сарделеобразный палец Жени, украшенный чудовищным золотым перстнем с пудовым бриллиантом, указал вниз. Я перевел взгляд на ковер и вздрогнул: на полу валялся шлафрок Сергея, рядом стояли его тапочки. Юля побледнела и принялась быстро икать.

– Этта чье? – повторил муж, глядя на жену, как черепаха. Че на воблу.

– Мое, – живо отреагировал я, – хоть апрель, да холодно, вот и пытаюсь согреться.

Произнеся эту фразу, я нагнулся, схватил темно-бордовый махровый халат и мигом накинул себе на плечи.

– А тапки? – не успокаивался хозяин.

– Тоже мои.

– Ты ж в ботинках?

– Ну да, – я начал изворачиваться, словно червяк, прижатый к земле лопатой, – верно, я в штиблетах, но ведь нехорошо в уличной обуви по чужой квартире ходить! Поэтому я сунул ноги в тапки!

– В туфлях?

– Да, – рискуя выглядеть идиотом, согласился я.

– Чего же в одних шлепках не пришел?

– Право, невоспитанно демонстрировать голые пятки, поэтому я сначала нацепил мокасины, а уж на них тапки, дабы не попортить ваш паркет.

– Жень, ты пойдешь Че искать? – дрожащим голосом напомнила Юля.

– Ага, – засуетился муж, – бегу вниз.

– Па, и я с тобой, – попросила Люся.

– Нет, – отказал ей отец.

– Возьми уж ее, – вздохнула Юля.

– Ладно, пошли, – смиростивился родитель, – давай, Ваня, с нами!

– Спасибо за предложение, но я не закончил домашние дела, – мигом откrestился я от продолжения забавы и, неся на плечах халат Мамонова, а на ногах его тапки, гордо удалился домой. Пусть теперь Юля сама разруливает ситуацию, надеюсь, Сергей не начнет чихать до того, как Евгений и девочка покинут квартиру.

* * *

На следующий день, около одиннадцати утра, тщательно изучив карту Подмосковья, я отправился к платформе Пролетово.

Путь оказался неблизким, гнать «Жигули», как Марина

свой джип, я не мог. Моя машина, увы, сделана в России, живет на свете не первый год и успела обзавестись старческими болячками. Но в конце концов я добрался до нужного места и начал осматриваться. Конечно, ночью пейзаж выглядит иначе, чем днем, но кое-какие приметы остались, допустим, та же платформа.

Я вылез из машины, подошел к полуразвалившейся лестнице и стал подниматься по ней, удивляясь безобразному состоянию, в котором находится станция. Ну почему никто из пассажиров не возмущается? На покореженных ступеньках можно запросто сломать ногу. Да и перрон выглядит отвратительно, похоже, тут ни разу не убрали мусор, нету скамеек, и отсутствует всякий намек на билетные кассы, да и людей нет.

– Молодой человек, – раздалось снизу.

Я повернул голову: у подножия лестницы стоял сухонький аккуратный старичок с сумками, из которых высовывались пакеты и банки.

– Слушаю вас внимательно, – улыбнулся я.

– Простите, это ваша машина?

– Да, а она вам мешает? Сейчас уберу.

– Что вы, что вы, – испуганно сказал дедушка, – просто я подумал: коли вы на авто прибыли, тогда порядок, но если, паче чаяния, поезда ждете, то он тут давно не ходит.

– Почему же? – спросил я и начал осторожно спускаться по выщербленным ступеням.

– Понимаете, – охотно пустился в объяснения дедуля, – тут, чуть поодаль, раньше, при Советах, завод был секретный, на оборону работал. Так вот, чтобы людям на службу легче попасть, ветку к нему от основной «железки» бросили и платформу построили. Несколько раз в сутки «кукушечка» ходила, по расписанию. Одну смену привезет, другую оттянет к той станции, что для всех. Иначе б народу пять километров пехом переть. Хоть и принято сейчас коммунистов ругать, только они ведь и хорошее делали. Сегодня же никого не интересует, сколько времени тебе до станка переть, скажи спасибо, что рабочее место нашел. Верно?

Я кивнул и направился к «Жигулям», дед не отстал, он последовал за мной, выплескивая кучу неинтересных мне подробностей.

– Потом развалилось предприятие, вроде его иностранцы купить пытались, да наши не согласились. Как же! Военная тайна! А о людях они подумали, о простых рабочих? Всех выставили, поселок умер, правда, дома до сих пор остались, вон за водокачкой одни бедолаги живут, те, кому деваться некуда, вот я, например. И где продукты купить? Только в Москве! Никого ничего не волнует... Горбачев... Ельцин... Путин... льготы... бу-бу-бу-бу.

Послушав пару минут для порядка разволновавшегося старичка, я отключил слух и стал машинально кивать, навесив на лицо приветливую улыбочку. Жизнь с Николеттой научила меня простому фокусу: хочешь остаться в живых

после общения с маменькой, никогда не спорь с ней, лучше всего, вырубив систему связи с внешним миром, включить автопилот кивания.

Дедушка захлопнул рот и уставился на меня. Сообразив, что излишне говорливый собеседник высказал все, что накопилось на душе, я хотел уже попрощаться, но тут старикашка со словами: «Ну, спасибо, уважил пожилого человека», — полез в «Жигули».

Глава 9

– Простите, вы куда? – восторгнулся я.

– Так сесть хочу.

– Зачем?

– Ты же обещал подвезти.

– Я? Вас? Куда? Когда?

– Ну сейчас, – удивленно пояснил дедушка, – я спросил тебя: «Сынок, не добросишь до поселка?» А ты закивал, заулыбался, разве ж так «нет» говорят?

Я тяжело вздохнул.

– Далеко ваше поселение?

– Нет, – словно ребенок обрадовался дедок, – совсем рядом, направо, налево, да я покажу, не сомневайся, вон шоссе тянется.

Я взглянул в грязную колею, похоже, именно по ней лихо рулила на шикарном джипе Марина, больше просто машине нигде не пройти, повсюду тесно растут деревья.

– Не сомневайся, сынок, – приободрил меня дедуля, – это только с виду дорога фиговая, а так еще ничего, проберемся.

Я завел мотор и осторожно двинул чудо российской автопромышленности вперед.

– Налево, теперь прямо, вправо бери, – принялся командовать старичок.

Надобности в его указаниях не было, дорога тут змеилась

одна, никаких ответвлений в сторону от нее не отходило.

В конце концов я вырулил на небольшую полянку и затормозил, колея оборвалась, впереди плотной стеной стояли ели. Испытывая волнение, я вышел из машины. Да, именно досюда мы добрались на джипе, бросили его у щита «Берегите лес», а потом пошли вперед вон по той тропке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.